

Univerzita Karlova v Praze

Filozofická fakulta

Ústav translatologie

Bakalářská práce

Irina Simonenko

Komentovaný překlad: KOČÍ, Josef. Čarodějnické procesy: z dějin inkvizice a čarodějnických procesů v českých zemích v 16. a 18. století. Praha: Horizont, 1973. s. 149-169.

Комментированный перевод: КОЧИ, Йозеф. Колдовские процессы: из истории инквизиции и колдовских процессов в чешских землях в XVI и XVIII веках. Прага: Horizont, 1973. стр. 149-169.

Commented traslation: KOČÍ, Josef. Čarodějnické procesy: z dějin inkvizice a čarodějnických procesů v českých zemích v 16. a 18. století. Praha: Horizont, 1973. p. 149-169.

Poděkování

Především bych chtěla srdečně poděkovat své rodině za podporu a inspiraci po dobu mého studia a během napsání této práce.

Děkuji vedoucí mé práce, Mgr. Ing. Marii Molchan za cenné rady a připomínky a za odborné vedení mé práce. Také v neposlední řadě bych chtěla poděkovat Mgr. Monice Žárské za informační podporu ohledně německých názvů.

Praha, 2015

Prohlášení

Prohlašuji, že jsem bakalářskou práci vypracovala samostatně, že jsem řádně citovala všechny použité prameny a literaturu a že práce nebyla využita v rámci jiného vysokoškolského studia či k získání jiného nebo stejného titulu.

V Praze dne

podpis

Anotace

Tato bakalářská práce se skládá ze dvou částí. První část představuje překlad kapitoly z knihy Josefa Kočího *Čarodějnické procesy: z dějin inkvizice a čarodějnických procesů v českých zemích v 16. a 18. století* (s. 149-169) do ruštiny. Druhá část obsahuje komentář k překladu rozdělený na následující kapitoly: Analýza překladu, Typologie překladatelských problémů a jejich řešení, Překladatelské posuny.

Klíčová slova: přelad, překladatelská analýza, překladatelský posun, překladatelská metoda, koncepce překladu, překladatelský problém, pověra, čarodějnice, čarodějnictví, inkvizice, Marie Terezie

Abstract

This bachelor thesis consists of two parts: the first part is a Russian translation of a chapter from the book *Čarodějnické procesy: z dějin inkvizice a čarodějnických procesů v českých zemích v 16. a 18. století* (pp 149-169) written by Josef Kočí. The second part contains a commentary on the translation and includes the following chapters: Analysis of the source text, Typology of translation problems and their solutions, Translation shifts.

Keywords: translation, translation analysis, translation shift, translation method, concept of translation, translation problem, witch, witchcraft, Inquisition, Maria Theresa

Аннотация

Даная бакалаврская работа состоит из двух частей. Первая часть представляет собой перевод главы из книги Йозефа Кочи «Колдовские процессы: из истории инквизиции и колдовских процессов в чешских землях в XVI и XVIII веках» (стр. 149-169) на русский язык. Вторая часть содержит комментарий к переводу, состоящий из следующих глав: Переводческий анализ оригинала, Типология переводческих проблем и их решение, Переводческие трансформации.

Ключевые слова: перевод, анализ перевода, стратегия перевода, переводческая проблема, переводческий сдвиг, колдовство, магия, охота на ведьм, Инквизиция, Мария Терезия

Содержание

Введение.....	6
1. Перевод.....	7
2. Комментарий к переводу.....	26
2.1. Переводческий анализ оригинала.....	26
2.1.1 Экстралингвистические факторы.....	26
2.1.1.1 Об авторе.....	26
2.1.1.2 Время и место издания книги.....	27
2.1.1.3 Целевая аудитория.....	27
2.1.1.4 Функция текста и стратегия перевода.....	27
2.1.2 Интралингвистические факторы.....	28
2.1.2.1 Тема и содержание текста.....	28
2.1.2.2 Пресуппозиция.....	29
2.1.2.3 Стилистика исходного текста.....	29
2.1.2.4 Лексика.....	30
2.2 Типология переводческих проблем и их решение.....	32
2.2.1. Лексика.....	32
2.2.2 Терминология.....	32
2.2.3 Антропонимы.....	34
2.2.4 Геонимы.....	35
2.2.5 Топонимы.....	35
2.2.6 Варваризмы и латинские названия. Неформальные слова и выражения.....	36
2.2.7 Синтаксис.....	38
2.3 Переводческие трансформации.....	39
2.3.1 Пояснения.....	39
2.3.2 Генерализация.....	40
2.3.3 Интеллектуализация.....	41
2.3.4 Опущение.....	44
Заключение.....	45
Резюме.....	46
Список использованной литературы.....	47
Приложение	

Введение

Целью данной бакалаврской работы является перевод на русский язык главы из книги Йозефа Кочи «Колдовские процессы: из истории инквизиции и колдовских процессов в чешских землях в XVI и XVIII веках» (стр. 149-169), который содержится в первой части настоящей работы.

Книга посвящена теме преследования ведьм и колдунов в период с XVI по XVIII века на фоне исторических, политических и общественных процессов указанного периода. Ввиду специфики темы, данный труд может представлять интерес как для широкого круга читателей, в особенности, интересующихся данной тематикой, так и более узким социальным группам, например, студентам исторических, теологических либо юридических факультетов ВУЗов.

Вторая часть данной бакалаврской работы содержит комментарий к переводу, в котором приводится анализ исходного текста согласно модели, разработанной Кристианой Норд и взятой за основу при выборе переводческой стратегии. Далее следует типология различных переводческих проблем, и описываются способы их решения, после чего приводится разбор переводческих трансформаций, к которым пришлось прибегнуть в процессе перевода.

1. Перевод

Победа разума над суевериями?

Революционные идеи Бальтазара Беккера, Христиана Томазия и других мыслителей о нелепости колдовских суеверий очень медленно прокладывали себе дорогу в жизнь, в юридическую и судебную практику. Такое торможение было закономерным ввиду отсутствия прогрессивных судебных и юридических норм, издаваемых государственными органами, но главным образом из-за того, что большая часть общества все еще утопала в ложных представлениях и убеждениях. На процесс принятия новых идей влияло также то, что и экономическое, и общественное развитие проходило постепенно, шаг за шагом. Несмотря на то, что этот процесс был окончен только к середине следующего столетия, XVIII век и на территории чешских земель стал знаменательным периодом, который положил начало переходу от изжившего себя феодального строя к новому капиталистическому устройству общества.

Значительную роль в реформировании устаревших экономических, общественных, правовых и культурных отношений Чехии XVIII века сыграла абсолютистская власть Марии Терезии (1740 – 1780 гг.). Речь, тем не менее, пока шла не о внесении радикальных изменений, а, скорее, о компромиссных мерах, направленных на устранение самых значительных пережитков «средневековья» во всех сферах жизни.

Подавление властных и экономических интересов крупных землевладельцев вместе с государственным ограничением влияния католической церкви с одной стороны и удовлетворение законных экономико-общественных потребностей подданных, а также создание условий для более смелых научных и рациональных идей с другой стороны, должны были изменить взгляды на колдовство и, прежде всего, привести разумный подход в методы преследования и осуждения обвиняемых.

Мария Терезия не испытывала недостатка в примерах в этой области. И, если бы она не захотела подражать Англии и Голландии (а, учитывая консервативные настроения в Габсбургской монархии, она вряд ли могла бы), то пример прусских реформ не мог ускользнуть от ее внимания. Прусский противник,

с которым Марии Терезии приходилось периодически сталкиваться в течение первых двадцати лет своего правления, несмотря на все приложенные ей усилия, в конце концов, одержал победу: правительнице пришлось смириться с окончательной потерей большей части Силезии, одной из богатейших земель Габсбургской монархии. Венский двор, тем не менее, не испытывал, казалось бы, понятной неприязни и понимал, что полезнее всего, наверное, будет поучиться у основного и более успешного соперника. Для политики Габсбургов Пруссия становилась хорошим примером во многих сферах жизни.

Во времена «Великого» курфюрста Фридриха Вильгельма (1640 – 1688 гг.) преследования колдунов и ведьм на территории Бранденбургских земель и Пруссии происходили с не меньшим ожесточением, чем при Леопольде I в чешских и австрийских землях. Однако уже во времена правления первого прусского короля Фридриха I (1688 – 1713 гг.) отношение к колдовству существенно изменилось, несмотря на то, что процессы над колдунами все еще имели место. В этих условиях нашли благоприятную почву идеи профессора и ректора нового прусского университета в Галле Христиана Томазия. Прогрессивные меры, сделавшие практически невозможным ведение в Пруссии дальнейших процессов над колдунами и ведьмами, Фридрих Вильгельм I принял I в 1714 г., уже через год после своего восшествия на престол. Его преемник Фридрих II, которого националистические немецкие историки называли «Великий», 3 июня 1740 г. запретил применение пыток. Хотя, его приказ еще допускал исключения, просуществовали они недолго и были отменены в 1754 – 1756 гг.

Безжалостные предписания «Иосифины»¹, действовавшие в то время на территории Чехии, однако, не применялись столь сурово на практике, благодаря чему ведьмы на кострах погибали лишь в отдельных случаях. Это означало, что протестантская Пруссия не могла служить для Марии Терезии примером в этом вопросе, однако, в качестве оправдания, она могла обратить свой взор на соседнюю католическую Баварию, где изданный еще в 1751 г. свод законов («*Codex juris bavorici criminalis*») признавал существование колдовства.

Первым робким шагом терезианской власти в борьбе с колдовскими суевериями был патент Марии Терезии от 1 марта 1755 г., направленный против

¹ Здесь и далее: законодательство времен правления Иосифа I, предшественника Марии Терезии на троне.

вампиризма и, собственно, против веры в колдовство в принципе. В патенте подчеркивалось, что в подобных случаях речь чаще всего идет о суеверии или обмане. Острой критике подверглось духовенство, подчеркивалось его влияние на поддержание этих суеверий, нежелание с ними бороться и тенденцию, скорее, укреплять людскую веру в них. Духовенство в дальнейшем должно было вмешиваться в колдовские процессы исключительно по договоренности с политическими учреждениями, которым было рекомендовано обеспечивать экспертные заключения врачей. Имелось в виду, прежде всего, так называемое *magia posthuma*, т. е. запугивание умершими. В Моравии, согласно патенту, было зафиксировано несколько случаев, когда по велению священнослужителей были выкопаны и сожжены трупы, будто бы для того, чтобы лишить их возможности наводить страх.

Встречалось немало случаев, когда суеверный страх несведущей толпы, поддерживаемый ложными представлениями ее духовных пастырей, приводил к действиям, нарушавшим покой погребенных. Например, в 1679 г. во владении Брунталь, принадлежавшем ордену немецких рыцарей, был выкопан и сожжен труп Эвы Заутциговой, которая после смерти якобы наводила ужас на жителей городов Лихтвард и Ангельская Гора. По рассказам жителей, она появлялась ночью в виде кошки или собаки, иногда черного цвета, иногда снова в виде белой фигуры. Жители Лихтварда обратились за помощью к управляющему владением. Подозрения вызывали уже сами обстоятельства ее смерти. Нищенка Заутцигова, когда-то работавшая прачкой, жила у крестьянина Штепана Стайнера в Лихтварде. При жизни женщина не привлекала внимание близких ничем подозрительным. Она ходила в церковь, молилась, каждый год исповедовалась, а перед смертью соборовалась. Скончалась Эва Заутцигова в воскресенье, на Пятидесятницу, в два часа пополудни. Ее тело уложили на простыню и заказали гроб. В пять часов вечера следующего дня жена Штепана Стайнера вместе с женщиной, омывавшей в деревне усопших, перекладывала тело в гроб и заметила, что оно все еще полностью теплое и мягкое. Штепан Стайнер сообщил об этом подозрительном факте соседу, старейшему члену городского магистрата, который в отсутствие бурмистра осмотрел труп. Вызванный священник также заподозрил неладное, и окропил тело святой водой. Для уверенности вызвали специалиста – могильщика из города Фридлант-над-Моравицей. Однако, когда вызванный специалист не нашел на теле

никаких подозрительных отметин, нищенку похоронили. Тем не менее, по деревне очень быстро расползся слух, что несчастная Заутцигова после своей смерти пугает людей. Снова был вызван могильщик из Фридланта. В этот раз его заключение было совершенно противоположным: он нашел подозрительные знаки на теле, поэтому с согласия феодала.

В 1714 году в деревне Арнолтице в имении Совинец, которое также принадлежало ордену немецких рыцарей, в возрасте ста лет скончалась вдова Мария Даглерова. Более сорока лет она прожила со своим вторым мужем Криштофом Даглером, умершим на 14 дней раньше нее. Даглерова тоже исповедовалась Рождество и Пасху, а за 4 недели до смерти - соборовалась. Сразу после ее смерти стали поговаривать, что никто у нее не замечал четок, более того, она не молилась надлежащим образом. Хотя, расследование не выявило ее связи с потусторонними силами, священник все же не позволил, чтобы по ней зазвонил похоронный колокол, и отказался принять участие в похоронах. Через шесть дней после ее смерти, 13 ноября 1714 года, он осмотрел ее труп при участии бурмистра и обнаружил подозрительные знаки, прежде всего, сильное покраснение всего тела. Свидетели к тому же говорили, что покойная наводит на них страх. Она гасила свет и тушила огонь, появлялась с тремя головами и пыталась их душить. Многим являлась в виде черной кошки, собаки, а одному человеку даже в виде свиньи. Сдавливала грудь, словно Мара², и стаскивала с них одеяла. Увела ночью у хозяина коней, корову и страшно их измучила. Стояла в виде волка перед дверьми. Ехала на собаке и ударила по ноге собачьим хвостом одного из свидетелей, разлила людям молоко и т. д. Селяне обратились за помощью к хозяину имения, который приказал могильщику закопать труп ночью где-нибудь на границах и засыпать известью.

Но уже в апреле 1715 года в деревне Арнолтице произошел еще один подобный случай. Умер Ян Барлен, за которым при жизни никто не замечал ничего подозрительного. Однако на его теле после смерти появились непонятные знаки, поэтому священник отказался хоронить его согласно правилам. Очевидцы рассказывали, что покойный в деревне наводит страх.

Переломным моментом в истории борьбы Марии Терезии с колдовскими процессами было ее постановление от 12 июля 1756 года. Поводом послужил один

² В низшей мифологии народов Европы - злой дух, воплощение ночного кошмара. Садится ночью на грудь спящего и вызывает удушье.

конкретный случай. Пастырь Ян Полак из лобковицкого имения в городе Истебнице, что в Южной Чехии, был осужден за причинение вреда скоту своих соседей с помощью колдовства и приговорен к смерти через обезглавливание. Мария Терезия помиловала Полака, выразив в своем постановлении важное мнение о колдовских предрассудках: они могут существовать лишь там, где царствует невежество, с которым не борется духовенство. Досталось и апелляционному суду Праги, который назначил врача для поиска так называемых дьявольских знаков на теле обвиняемого Полака. Как мы уже знаем из процессов XVII столетия, это всегда было первой заботой суда в процессах над предполагаемыми колдунами.

Согласно постановлению Марии Терезии, ни местные, ни высшие суды более не имели права начинать подобные процессы без согласия на то правительницы. Тот факт, что Мария Терезия закрепила за собой исключительное право на принятие решений по колдовским процессам в австрийских и чешских землях и что она отрицала само существование колдовства, давало надежду, что этим суеверным заблуждениям скоро придет конец.

Разумеется, Венский верховный суд выступал против решения Марии Терезии. Полак, по их мнению, был осужден в соответствии с действовавшими законами и господствующими теологическими воззрениями и не должен был полностью избежать наказания. Теоретически правда была на стороне суда. Если бы Мария Терезия твердо решила бороться с колдовскими процессами, ей бы пришлось отменить или пересмотреть множество действовавших законов. Отсутствие решимости у императрицы на такой шаг и ее стремление найти компромиссное решение следуют из ее нового указа от 30 июля 1756 года. В нем, однако, снова напоминалось, что колдовство существует только там, где господствует невежество. Последующие же указы были уже менее радикальными. Те, кого подозревали в так называемом колдовстве, должны были быть арестованы с последующим проведением расследования. Однако они не должны были содержаться в кандалах, подвергаться пыткам и осуждению. Рассмотрение всего дела и принятие решения всецело отдавалось в руки Марии Терезии. Императрица также обратилась к пражскому архиепископу и оломоуцкому епископу с просьбой оказать влияние на духовенство и миссионеров, чтобы те боролись с колдовскими поверьями среди людей.

Указ Марии Терезии распространялся на австрийские и чешские земли. Однако очень скоро произошел случай, который позволил расширить влияние ее прогрессивных мер на территорию Венгрии, в которую по закону входили и славянские земли. В 1758 году была приговорена к смерти за колдовство Магдалена Логомерова из деревни Крижовец в Хорватии, также известная как Геруцзина. Мария Терезия снова вмешалась в процесс. Она снова высказывала свое мнение о связи между невежеством и колдовством. Во Франции, Англии, Голландии, Швеции, Дании, Пруссии и других странах о колдовстве не слышали. Следовательно, как такое возможно, что ведьмы и колдуны обитают именно в землях Габсбургов? Ведь упомянутые страны, в общем-то, не должны бы иметь религиозное или нравственное превосходство. Однако, без сомнений, там люди более информированы, чем в Габсбургской монархии. «Никто в мире не убедит меня, - подчеркнула Мария Терезия, - что ведьмы и колдуны существуют. Поэтому процессы против них – это процессы против моей совести и моих знаний, а посему я не могу их допустить, чтобы не отвечать за них перед Богом».

В случае с ведьмой Логомеровой Мария Терезия обратилась за медицинским заключением к своему личному врачу *Герарду ван Свитену*. Этот выходец из Голландии, родившийся в 1700 году, был прекрасно образованным и просвещенным человеком. Он занимался медициной, философией, естественными науками и наукой о государстве. Благодаря его усилиям была реформирована устаревшая система высшего образования, в особенности на медицинском и философском факультетах. Ван Свитен активно взялся исполнять указание императрицы оценить случай Логомеровой. Он не только изучил все записи, но и лично допросил Логомерову в больнице, куда ее временно поместили. Переводчиком выступал один хорватский священник. Ван Свитен остро критиковал безответственность, необъективность и злонамеренность судей, неправдоподобность свидетельств очевидцев и ничего не стоящее признание обвиняемой, которое было добыто посредством причинения ей страшных и долгих мучений. Как известно из других источников, Логомерова перенесла четыре уровня пыток и только в больнице при исключительном уходе смогла оправиться от телесных и душевных страданий. Ван Свитен также подчеркнул, что во многих странах процессы над колдунами и ведьмами уже запрещены. Мария Терезия 23

ноября 1758 года приказала отпустить обвиняемую на свободу. В приказе ясно говорилось, что Логомерову более никто не смел беспокоить.

В рескрипте от 6 августа 1756 года Мария Терезия выступила также и против экзорцизма, т.е. изгнания Дьявола из одержимых людей. 6 июня 1759 года она снова издала указ о том, что никто не должен подвергаться пыткам по обвинению в колдовстве. Все эти меры на практике означали конец процессов над колдунами и ведьмами на территории всей Габсбургской монархии. Ситуация, однако, была не совсем однозначна. Колдовские поверья еще господствовали не только среди народа, но и укоренились в головах большинства теологов и юристов. Их консерватизм проявился и в результатах работы придворной комиссии, чьей целью было объединение и реформирование законов монархии. До того, как был закончен и издан новый кодекс законов, в 1766 году вышел закон о колдовских процессах в чешских и австрийских землях.

Придворная законодательная комиссия под председательством вице-президента верховного суда графа Михаэля Яна Алтана во время работы над нормами, которые бы определили порядок уголовного судопроизводства, не обошла вниманием и статью о «магии». По сравнению с предыдущими изданными постановлениями императрицы, затрагивавшими тему колдовства, новая статья была настолько важной и болезненной, что комиссия предоставила Марии Терезии право самой решать ее судьбу. Несомненно, члены комиссии были заинтересованы в том, чтобы новый сборник законов отражал их реакционные взгляды на колдовство. Поддавшись давлению с их стороны, Мария Терезия пошла на уступки и утвердила нормы о процессах над колдунами и ведьмами, которые вступили в силу 5 ноября 1766 года.

Закон, состоявший из шестнадцати параграфов, все еще сохранял дух «Иосифины», несмотря на то, что, практические предписания к процессуальному рассмотрению не позволяли использовать его для преследования невиновных. В первом параграфе признавалось существование колдовства. Под ним, а также чародейством и чернокнижием понималось такое порочное действие, при котором лицо находится в тесном контакте или связи с Дьяволом на основании явного или тайного соглашения и с его помощью совершает различные действия, выходящие за рамки человеческих возможностей, причем, вне зависимости от того, причиняют ли

данные действия вред другим лицам. Очевидно, что вера в возможность сделки с Дьяволом все еще процветала.

Второй параграф содержал классификацию преступников по признаку совершенных ими действий и воздействий. К ним относились медиумы, призывающие Дьявола, заклинатели, предсказатели, подстрекатели к колдовской деятельности и все те, кто намеренно с помощью нечистой силы совершал нечто сверхъестественное либо нарушал естественный порядок вещей.

Третий параграф, составленный в духе свойственных для всего закона компромиссных противоречий, накладывал ограничения на основополагающий вступительный тезис. В тексте говорилось о широкой известности того факта, что вымыслы о магии и колдовстве получили в прошлом необычайное распространение. Составители закона перекладывали ответственность на неграмотный народ! Они считали, что во всем виновата склонность простодушного безнравственного сброда к суеверным выдумкам, являющаяся порождением его глупости и невежества. В результате, по мнению авторов закона, вместо того, чтобы научиться отличать правду от вымысла, простой народ мог легко поверить, что любое непонятное для него происшествие, являющееся на самом деле случайным стечением обстоятельств, чьим-то умелым мастерством или даже обычным явлением природы (например, плохая погода, гибель скота, болезнь и т. д.), есть не что иное, как проделки Дьявола или его приспешников, т.е. магов и чародеев.

Такое презрительное отношение к колдунам и магам передавалось из поколения в поколение и продолжало усиливаться. Детям уже с пеленок рассказывали разные страшные истории и сказки. Таким образом, предрассудки расширились повсеместно и укреплялись все больше и больше, а в колдовских процессах правовые основы часто не соблюдались.

Следующий параграф устанавливал новые правила для случаев обвинения в колдовстве. Так как императрица прилагает все усилия, чтобы сохранить почтение к Богу и притом искоренить все, что является проявлением неуважения к нему (а колдовская деятельность несомненно к этому относится), то она не может позволить, чтобы ее подданные обвинялись в подобных злодеяниях только на основании устаревших заблуждений, обыкновенного доноса и пустого подозрения. Наоборот, Мария Терезия хочет, чтобы обращение с подозреваемыми в колдовстве и магии всегда основывалось на юридически обязательных нормах закона и

достоверных доказательствах. Особое внимание должно было уделяться следующим обстоятельствам: во-первых, не совершал ли обвиняемый подозрительные действия при использовании магии или колдовства по вине своих ложных фантазий или с непосредственно мошенническим умыслом; во-вторых, не совершались ли указанные действия по причине «меланхолии», помешательства или иной болезни; в-третьих, не предприняло ли намеренно лицо, забывшее про Бога, действия для спасения своей души, направленные на контакт с Дьяволом, но оказавшиеся безрезультатными и неэффективными; в-четвертых, действительно ли речь идет о реальной магии с участием Дьявола. В последнем случае, однако, необходимо выяснить, не имеет ли место обман. Если все же доказано, что расследуемые действия совершенно беспричинны и не поддаются объяснению, можно предположить, что они явились результатом дьявольского вмешательства в возникшую неразбериху. Таким образом, возможность существования «истинного», действительно существующего колдовства или магии была полностью признана законом.

Пятый параграф устанавливал, что особенности деяния всегда должны были быть тщательно расследованы с целью определить, естественным или противоестественным способом оно совершено. Кроме того, должна быть проведена проверка всей жизни обвиняемого до момента совершения поступка, а также его психическое и физическое состояние. К надлежащему расследованию должны быть привлечены специалисты - врачи и естествоиспытатели.

Следующий параграф накладывал запрет на ряд процедур, которые раньше проводились в процессе расследования. Не разрешалось искать на теле подсудимых дьявольские отметины, состригать им все волосы на теле и поить их снадобьями или мазать разными мазями, будто бы снимающими дьявольское влияние. Также было запрещено препятствовать подсудимым наступать на голую землю или проводить испытания холодной водой, чтобы определить, являются ли они колдунами. По мнению авторов закона, все эти методы были недостоверны, и в основном являлись суеверными встречными мерами из области магии.

Седьмой параграф законодательно закреплял меры, уже принятые ранее. Подчеркивались положительные результаты законодательного закрепления последнего слова в колдовских процессах за императрицей. В период правления Марии Терезии, как утверждалось в законе, не был найден ни один настоящий маг,

колдун или ведьма. Во время судебных процессов всегда выяснялось, что речь шла всего лишь об обмане, глупости, других преступлениях или о вымыслах инквизиторов. Были также вынесены соответствующие приговоры. Впредь, если уголовные суды обнаружат случай настоящего колдовства или магии, то, проведя основательное расследование, они даже не будут пытаться предложить вердикт, а уступят материалы дела верховному суду, который передаст их императрице для вынесения решения.

Восьмой параграф конкретнее устанавливал, когда должно было начинаться расследование: 1. Если лицо, в отношении которого доказано, что оно совершило колдовские действия, предоставит достоверные сведения о своих соучастниках или помощниках. 2. Если представлено доказательство, что подозреваемый причинял вред людям и домашнему скоту, используя яд или другие опасные средства. Ущерб должен быть очевидным, а характер подозреваемого может предполагать совершение подобных действий. 3. Если несколько благонадежных людей подтвердят, что обвиняемый занимался запрещенными «искусствами» или предсказаниями.

Если вредоносные действия были доказаны, то, согласно девятому параграфу закона, суд мог арестовать подозреваемого и провести личный обыск и обыск жилища, чтобы определить, не скрывает ли он яд, коробки с насекомыми или другими вредоносными веществами, человеческие кости, полные либо незаконченные записи контрактов с Дьяволом и т. д.

В следующем параграфе даже разрешалось применять к обвиняемым пытки, но только в случаях причинения большого вреда или совершения поступков, караемых смертью. Однако если речь однозначно шла всего лишь о предполагаемом колдовстве или магии, то суды не имели права назначать пытки по своей воле, а должны были обратиться через верховный суд к правительнице после проведения полного расследования.

Одиннадцатый параграф перечислял специальные вопросы, которые должны были задаваться обвиняемым, а также закреплял метод проведения расследования в целом.

В двенадцатом параграфе содержались важные положения, касающиеся степени и вида наказания. В соответствии с классификацией колдунов (см. параграф 4) различался способ наказания. Если кто-то всего лишь выдавал себя за колдуна

или мага, то он нес наказание за причинение конкретного вреда здоровью людей (включая лишение жизни) или имуществу (например, поджог). В зависимости от серьезности конкретных преступлений могла применяться и смертная казнь. Симуляция колдовских действий могла привести к усилению наказания. Если речь шла всего лишь об опасном мошеннике, то в соответствии со степенью вины он приговаривался к телесному наказанию. Если обвиняемый был иностранцем, то его изгоняли из всех земель, находящихся под властью Габсбургов. Вторая группа людей, чье предполагаемое колдовство было результатом «меланхолии», психического расстройства, не должна была понести наказание. Если речь шла о «полностью умалишенном», то он помещался в сумасшедший дом, при более легкой степени болезни – в больницу. Для тех, кто осознанно посвятил себя колдовству, но их «заклинательство» осталось без негативных последствий, закон предусматривал самое тяжкое телесное наказание (для иностранцев – вкуче с изгнанием из страны). В случае причинения вреда жизни другим осужденный должен был заплатить своей жизнью; если также имело место богохульство, то он должен был быть сожжен. О наказаниях для последней категории преступников, включавшей истинных колдунов и ведьм, решение принимала императрица.

К отягчающим обстоятельствам тринадцатый параграф относил многократный злой умысел, длительное колдовское распутство, значительный вред, причиненный в особенности неимущим людям, а также селам, феодалам, родителям или господам, склонение других людей к занятиям колдовством. В качестве смягчающих обстоятельств признавались случаи, когда виновный каялся раньше, чем был выдан, а после вел надлежащую жизнь христианина.

В предпоследнем параграфе запрещались традиционные суеверия деревенских жителей. Право назначения за них наказания было предоставлено местным феодалам. В случаях якобы обращения к Дьяволу с целью обмана людей либо возникновения иных опасных обстоятельств, а также деятельности, связанной с суеверными проповедями, приметами, церемониями, суеверными молитвами (например, молитва к Святому Христофору при поиске сокровищ), или участием в собрании людей, занимающихся суеверными «искусствами», обвиняемые должны быть переданы уголовным судам с правом применения судебно-следственных пыток и наказаны согласно установленных правовых норм. Суеверные книги и

записи должны были быть изъяты и по окончании инквизиторского процесса уничтожены.

Последний параграф закона был посвящен монстрам, в которых верил народ, а также людям, выдающим себя за одержимых. Целью закона было искоренить эти фантазии, ставшие бичом общества. О каждом случае одержимости, появления монстров и призраков должен был быть незамедлительно извещён верховный суд, который в зависимости от обстоятельств отдавал приказ своим органам либо одному из уголовных судов тщательно разобраться в ситуации в соответствии с предписаниями параграфов семь и двенадцать.

Терезианский закон о процессах над колдунами и ведьмами, с которым мы подробно ознакомились ранее, не требует комментариев. Когда он вошел как раздел номер 58 (преступления с использованием магии или колдовства) в уголовный кодекс «*Constitutio criminalis Theresiana*», изданный в 1768 году, то был подвергнут острой критике со стороны просветителей. Даже влиятельный министр иностранных дел при правительстве Марии Терезии князь Кауниц в своем резком осуждении «Терезианы»³ совершенно ясно упомянул и раздел 58. Он правильно заметил, что колдовство должно уже вызывать лишь улыбку на лице современно мыслящего государственного деятеля, а не становиться объектом уголовного права. Некоторые критики из числа современных историков и юристов старались подчеркнуть, что в законе речь шла, скорее, о теории, чем о нормах, которые бы нашли широкое применение на практике. Данный положительный аспект, тем не менее, не был заслугой авторов закона.

О том, что до окончания идеологической борьбы вокруг колдовства было еще далеко, свидетельствовала чрезвычайно пылкая и масштабная полемика, развернувшаяся как раз в 1766 году. В Музее Чешского рая в городе Турнов хранится богатая старинная приходская библиотека из города Либунь, где в первой половине XX в. был деканом знаменитый просветитель Антонин Марек. Среди сотен фолиантов на стеллажах библиотеки можно найти и толстое издание в белом, наполовину кожаном переплете, содержащее конволют полемических брошюр, из которых можно получить представление о том, какой резонанс и живой интерес этот вопрос вызвал тогда в чешских землях.

³ Свод законов периода правления императрицы Марии Терезии.

13-го октября 1766 года в Баварской академии наук в Мюнхене состоялась торжественная лекция *Фердинанда Штерцингера*, положившая начало новому витку бурных обсуждений по вопросу колдовства. Штерцингер был родом из Тироля и являлся членом Академии, а также священником ордена театинцев. В начале пятидесятих годов он был молодым монахом в Праге, позже в Мюнхене преподавал мораль и философию. Его лекция с призывом избавляться от бессмысленных предрассудков в отношении колдовства также была издана. Штерцингер обеспечил себе лояльность правящего курфюрста и основателя Академии Максимилиана Иосифа (1745 – 1777 гг.), включив в свою лекцию ряд любезностей в его адрес. Еще большую важность, однако, представляет его хвала «просвещенным временам, когда наука в своем развитии достигает невиданных вершин». В такое время уже нет места предрассудкам, и ценится работа, направленная на исправление ошибочных убеждений. В молодости Штерцингер, как и все, верил в существование колдовства, однако, начав изучать каноническое право примерно за 12 лет до своего выступления, у него появились сильные сомнения. Вполне возможно, что Штерцингер первым понял, что колдовства на самом деле не существует. Его лекция, опирающаяся на влияние и убеждения предшественников, в особенности – *Франческо Шиппионе Маффеи* (1675 – 1755 гг.), не привносила новые аргументы и концепции. Заслуживают внимания, однако, общее изложение всей темы и интерес, которые Штерцингеру удалось вызвать в Баварии и Габсбургской монархии.

По мнению Штерцингера, начиная заниматься вопросами колдовства, необходимо прежде всего смириться с проблемой Дьявола как проклятой и осужденной на муки Ада душой, которая не имеет никакой видимой связи с людьми. Он не может принимать с этой целью человеческий облик, такой возможности его лишил Христос. Поэтому договор с Дьяволом это всего лишь отвратительная фантазия и чепуха. Хотя защитники колдовства утверждают обратное, что Бог может допустить контакт Дьявола с человеком, однозначно против такого заявления выступает «здравый смысл», Библия и труды отцов церкви.

В следующей части своей лекции Штерцингер описывал типичные действия, приписываемые колдунам и ведьмам. Читая в работах известных сторонников существования колдовства или в старых судебных актах о ночных

полетах на шабаши, которые обычно должны были происходить в ночь Ивана Купалы на горе Брокен, известной по всей Германии как место сборищ ведьм и колдунов, Штерцингер «не мог удержаться от смеха» и назвал их не иначе, как смешной сказкой. Ингредиенты, из которых обычно делается известная волшебная мазь, имеют, однако, усыпляющий и оболванивающий эффект, известный всем врачам. Если же несчастные люди натрут этой мазью все тело, то быстро заснут. Усыпляющие вещества проникнут в кровь, а потом – и в мозг, чем вызовут спутанные и бессмысленные видения. После пробуждения старушек никто не убедит, что они не летали в ночи на собрание ведьм. Естественные науки все же доказали, что обычное тяжелое человеческое тело не может само летать по воздуху, так как это противоречит законам природы. Человеческое тело тяжелее воздуха более чем в двести раз! Понадобилось бы совершить чудо, что, как мы знаем, Сатане не под силу. Точно так же не имеют смысла рассказы о том, что ведьмы могут вызывать молнии, гром, бурю и вихрь. Данные умения шли бы в разрез с законами природы, исходящими от Бога. Все погодные изменения, как и болезни людей и домашнего скота, вызваны естественными причинами. Тем не менее, «бессовестный сброд, в особенности живущий в наших землях» [Баварии], рассказывает тысячи историй, в которых во всем винит колдунов и ведьм. Об этом свидетельствует, например, даже такой обыденный термин, как Hexenschuss (в пер. с нем.: люмбаго; hexe – ведьма, schuss – выстрел), заимствованный чешским языком и по настоящее время использующийся для обозначения поясничного прострела. Телесные недуги, которые в те времена врач либо деревенский кузнец, замещавший его во врачевании, не могли определить или излечить, считались происками ведьм. При этом, как подчеркнул Штерцингер, во всех случаях речь шла об обыкновенных заболеваниях. В странах, где не распространена вера в колдовство, у людей и домашних животных встречаются те же самые болезни, однако никто не считает их результатом ведьминских чар. Для лечения люди пользуются обычными лекарственными средствами либо прибегают к помощи опытных врачей. Всему есть естественное объяснение. Поэтому Штерцингер был настроен скептически и по отношению к так называемым одержимым Дьяволом. Он также не смог отказаться от критических замечаний в адрес экзорцистов, официально признанных церковью.

Для современного читателя будет большим разочарованием та часть лекции Штерцингера, в которой он попытался ответить на вопрос, как получилось, что

такое огромное количество людей было казнено по обвинению в колдовстве. Здесь Штерцингер проявил осторожность. Очевидно, автор боялся опасности, в которой он, несомненно, оказался бы, если бы раскрыл, что в большинстве случаев речь шла лишь о явных судебных убийствах. Поэтому он косвенно выступал в защиту прошедших колдовских процессов с помощью внушительно сформулированных риторических вопросов. Разве не заслуживают смерти те, кто оскверняет имя Божье, призывает Дьявола, молится ему, словно язычники, и просит его о помощи? Разве не должны быть приговорены к смерти те, кто во имя претворения в жизнь своих дурных замыслов лишает жизни невинных детей и выкапывает трупы только для того, чтобы вредить людям, при том, что колдовство на самом деле всего лишь бессмысленное, праздное ничто, предрассудок, вымысел запутавшихся умов?

В заключении лекции Штерцингер подытожил свои воззрения. Он признал веру в колдовство как противоречащую здравому смыслу и Божьему всемогуществу, заявил, что это все сказки, обман, сумасшествие и пустая чепуха. Ведьмы являются не кем иным, как «зачарованными», сумасшедшими женщинами. Кто будет настолько безрассуден, спрашивал Штерцингер, чтобы ради пустого ничего подарить свою бесценную душу Дьяволу, а свое тело – палачу?

Трактат Штерцингера, преподнесенный в просветительском духе католического священника, должен был вызвать возмущенные споры в рядах ортодоксальных обскурантов и мракобесов. Характерно, что первый выпад в сторону Штерцингера сделал некий аноним, который сам себя, однако, назвал «правдолюбом». Его брошюра вышла через шесть недель после появления труда Штерцингера. Ее метод был прост: аноним собрал цитаты из Библии, которые до него использовали многочисленные защитники факта существования колдовства. Настоящая личность автора, тем не менее, не осталась надолго в тайне: за «правдолюба» себя выдавал не какой-то посредственный писака, а августинский монах и профессор теологии в Мюнхене *Агнеллус Мерц*.

В 1767 году Штерцингер через мюнхенское академическое издательство выступил в свою защиту. Он заявил и подтвердил личными письмами, что его лекция вызвала как одобрение среди ученых, так и вызвала сплетни с насмешками у тех, кто погряз в предрассудках. Такая участь, однако, ждала все труды, которые противоречили мнению народа. С точно такими же препятствиями сталкивались

Франческо Маффеи и Джироламо Тартаротти (1702-1761 гг.), когда они выступили с критикой колдовских поверий.

Защита Штерцингера (в виде 98-страничной книги) была написана на хорошем уровне. Она, прежде всего, тактически доказывала, что вера в колдовство вредит христианству больше, чем отступничество. Как противник последнего, Штерцингер опирался и на цитаты из Библии, трудов святых отцов, папских булл, римских ритуалов и сборников светских законов. При этом он прибегал к использованию исторического метода, прослеживая развитие веры в демонов и ведьм. Штерцингер приводил факты и доводы, подтверждавшие ее изначальное возникновение среди язычников, от которых ее переняли христиане, приспособив к новым условиям. Новая форма колдовских суеверий, основанных главным образом на вере в возможность заключения контракта с Дьяволом, была явлением относительно молодым, берущим свое начало в XIII в. Защита Штерцингером своей позиции для нас интересна еще и тем, что содержит достаточно детальные отсылки к патенту Марии Терезии о колдовских процессах от 5 ноября 1766 года. Штерцингер понимал, хотя и не говорил об этом прямо, что его подход гораздо шире, чем, в сущности, консервативный патент императрицы. Однако он хотел ясно дать понять своему оппоненту, как на проблему смотрит убежденно католическая власть в таком крупном и значимом государстве, каким тогда как раз была Габсбургская монархия. Поэтому Штерцингер приводил цитаты только из параграфов три и семь, которые отвечали его убеждениями (с первым параграфом закона у него бы возникли определенные трудности). Данную непоследовательность ему и поставили в укор внимательные анонимные защитники колдовства в своих сочинениях, которые вышли в 1767 году в Майнской области западной Германии (в качестве места было указано “Vom Mainstrom”)⁴. Некий «почитатель ученых и поборник христианских истин», ссылаясь на «Каролину»⁵, доказывал, что Штерцингер неправомерно воспользовался в своей защите патентом Марии Терезии.

⁴ Досл. с нем.: от реки Майн.

⁵ Constitutio Criminalis Carolina - уголовное уложение императора Карла V, изданное в 1532 г.

В конце своей статьи Штерцингер привел список католических писателей, выступавших против колдовских суеверий, в который входил, в том числе, Фридрих Шпее и его «Cautio Criminalis»⁶.

Мюнхенский «правдолюб» не промолчал на защиту Штерцингера и в 1767 году выступил против нее с более серьезным оружием – книжкой на 104 страницы.

Голос против Штерцингера прозвучал и из его родного Тироля. И был это голос поистине яркого консервативного примитивиста, который, однако, не скрывал своего имени. Патер Ангелус Мерц из бенедиктинского монастыря в местечке Шайерн проявил свою абсолютную религиозную ограниченность без всяких зазрений совести. Более того, его интересы не ограничивались лишь теоретической полемикой, но распространялись и на весьма конкретную материальную сферу. Его монастырь хранил часть «настоящего» креста, на котором был распят Иисус. Это был бесценный источник дохода. Из сплава латуни и серебра отливались маленькие крестики, которые при соприкосновении с частью креста Христова наделялись защитной силой, в особенности против различных пагубных воздействий колдовских чар, таких, как опасные бури, одержимость Дьяволом и для оздоровления заколдованных людей и больного домашнего скота. Бенедиктинец Мерц в своей брошюре не преминул привести и старые свидетельства, подтверждавшие благотворную силу маленьких крестиков. Он даже заявил, что этого «священного» товара продавалось почти по 40 000 штук в год, и экспорт производился в Баварию, Швабию, Австрию, Венгрию, Саксонию, Польшу, Чехию и Моравию!

Не составило труда ответить на «простенькую» брошюру Мерца в духе иронии и сатиры. За это взялся некто J. F. Z., «неустанный заступник и обожатель» несчастного бенедиктинца, а насмешливое поздравительное письмо патеру Мерцу к его защите колдовства написал в 1767 году в городе Штраубинг «бенефициант T. F. N. Брокенер» (который иронично подписался псевдонимом, образованным от названия известной «ведьминской» горы Брокен). Он также является автором обширного сборника «Листов» (на 900 страницах), в которых защищал Штерцингера от августинца Агнеллуса Мерца из Мюнхена.

⁶ Дословно с лат.: «О процессах против ведьм»; данный трактат служил предостережением для судей. Автор призывал их проявлять максимальную осторожность и беспристрастность в процессах против колдунов и ведьм и доказывал, что среди приговоренных к смерти, которых ему доводилось исповедовать, не было ни одного действительно виновного.

В связи с защитой Штерцингера от его противников в 1767 году в Мюнхене вышел большой труд (284 страницы) под авторством «одного теолога», основу которого составляла похвала в адрес патента Марии Терезии о колдовских процессах. Распоряжение императрицы 1766 года было издано с обширным комментарием, предназначенным «обычному мужу». В нем содержалось много критических замечаний и ироничных замечаний в адрес защитников колдовских процессов. Автор переписал и десятки страниц старых протоколов громких процессов.

Полемика между тирольским бенедиктинцем Мерцем и Штерцингером имела административные отголоски во время конститории в городе Фрайзинг. Мерц, издавший свою брошюру без согласия настоятелей, должен был 25 февраля 1767 года ответить на ряд вопросов, которые в его адрес Штерцингер. Целое обсуждение, во время которого недруги предрекали Штерцингеру запрет его лекции, закончилось вничью. Обе стороны получили приказ издать «примирительный» акт. Штерцингер в третьем издании своей академической речи ослабил исходные формулировки: утверждение, что колдовство – это предрассудок нездравомыслящих умов, он исправил на предрассудок умов, мыслящих поверхностно. В ответ патер Мерц в 1767 году в Ингольштадте издал более подробное произведение, где отвечал на вопросы, заданные ему во Фрайзинге. На его труд в 1767 году отозвался анонимный голос из Повлтавья (на брошюре в качестве места издания было указано «Vom Moldaustrom»)⁷, без сомнения из Праги. Ответ Мерца он назвал «ничтожным, безосновательным, тщеславным и смешным». Безымянный автор хорошо знал все брошюры, которые появились в полемической схватке, развязанной академической речью Штерцингера, и осуждал как Мерца, августинца из Мюнхена, так и бенедиктинца из Шайерна. Он также выражал свою похвалу и почтение Штерцингеру. Интересным новшеством в этой брошюре является выпад против «Молота ведьм», опирающийся на известный труд Фридриха Шпее.

Мы не ставили своей задачей сообщить читателю обо всех сочинениях, памфлетах и брошюрах, которые появились как реакция на лекцию Штерцингера. Их было гораздо больше. Упомянутый конволют из Турнова, в котором могут быть представлены не все работы, содержит еще некоторые, о которых мы не упоминали.

⁷ Досл. с нем.: от реки Влтава

Мы всего лишь хотели продемонстрировать, что во второй половине XVIII в. ещё не до конца сформировались условия для быстрого и окончательного расставания со средневековыми колдовскими суевериями в чешских землях, в Габсбургской монархии и в Германии. Более того, нужно помнить, что все эти гуманистические старания исходили от узкой прослойки духовной и светской интеллигенции. В народной массе в целом нераздельно господствовали колдовские суеверия. Только развитие образования и просвещения с конца XVIII в. положило начало переходу к традиционным представлениям и воззрениям. Однако и по сей день мы не можем сказать, что эти пережитки остались в прошлом.

С процессами над колдунами и ведьмами, тем не менее, было покончено. Что не удалось компромиссной и консервативной власти Марии Терезии, сдерживаемой ограниченными правоведами, судьями и священниками, то получилось у радикальной просвещенной власти императора Иосифа II (1780 – 1790). Лишь только в сводах законов периода его правления мы бы тщетно искали положения о том, как поступать с магами, колдунами и ведьмами. Иосиф II их по праву вычеркнул из книг, задачей которых было формулировать право и процессуальное производство. На что он, однако, не мог повлиять с помощью законов, так это на пережитки в сознании людей: суды того и более позднего времени все еще довольно часто были вынуждены отказываться принимать доносы от несведущих и злых людей, клеветавших на своих соседей, якобы колдунов.

2. Комментарий к переводу

2.1 Переводческий анализ оригинала

При проведении переводческого анализа исходного текста использовалась модель, разработанная Кристианой Норд. Данная модель выделяет экстралингвистические и интралингвистические факторы текста [16, с. 25-129].

Также в процессе перевода мы обращали внимание на авторское форматирование текста, в частности на выделение курсивом важных имен.

2.1.1 Экстралингвистические факторы

2.1.1.1 Об авторе

Доктор наук, профессор Йозеф Кочи (*6.10.1922 - +13.10.1986) родился в местечке Велеградек недалеко от города Трутнов, который расположен в Краловеградском крае Чехии. Историк, сотрудник кафедры истории Университета политических и экономических наук в Праге (1949 – 1953 гг.), в период с 1953 по 1971 гг. Кочи работал в Чехословацкой академии наук (сегодня Академия наук Чешской Республики), позднее он перешел в Отдел по охране памятников истории и культуры при Президенте ЧССР. В 1965 году Йозеф Кочи получил степень доктора исторических наук. В то же время он занимался преподавательской деятельностью в различных университетах, включая Карлов Университет, где с 1979 года он преподавал историю Чехословакии. Умер Йозеф Кочи в Праге в 1986 году [42].

Помимо «Колдовских процессов» (1973), вышли в свет также его монографии «Наше национальное возрождение» (1960) и «Чешское национальное возрождение» (1978), «Бои деревенского народа в темные времена» (1953), «Сопrotивление крепостных во Фридланте в 1679-1687 гг.» (1965) и др.[39]¹

¹ Прим.: пер. наш.

2.1.1.2 Время и место издания книги

Книга была издана в 1973 году пражским издательством «Горизонт» в количестве 7000 экземпляров. Издательство «Горизонт» было основано по инициативе Центральной комиссии Коммунистической академии и просуществовало довольно долго, с 1968 по 1998 годы. Ориентировалось оно, прежде всего, на политическую и научную литературу.

Так как книга была издана в период так называемой нормализации, когда отношения между Чехословакией и Советским Союзом были напряженными, то неудивительно, что она не была переведена на русский язык. Не последнюю роль сыграла и ее специфическая тематика, которая в тот период была совершенно чужда советским властям и шла вразрез с их атеистической идеологией.

2.1.1.3 Целевая аудитория

Исходный текст представляет собой цельную главу, в которой тесно переплетаются две части: историко-информативная, где речь идет о событиях на территории Габсбургской монархии и в чешских землях, и информационно-аналитическая, в которой автор знакомит читателя с законодательством того времени и разъясняет некоторые его положения в контексте политических, религиозных и общественных процессов.

В силу своей специфической тематики и стилистики данный текст может быть интересен весьма узкому кругу читателей. В частности, он предназначен для людей, имеющих достаточно глубокие знания, причем, из нескольких областей науки. Например, студентам исторических, теологических или юридических факультетов университетов, а также научным сотрудникам, проводящим исследования в данной или смежной области.

2.1.1.4 Функция текста и стратегия перевода

Ввиду того, что первичной функцией текста оригинала является функция информационная [5, с. 208], а основными характеристиками – точность, предметность, однозначность, ясность и четкость представленной информации [5, с.

212], мы приняли решение отнести его к научному стилю. Однако при переводе мы были вынуждены учитывать то обстоятельство, что исходный текст наряду с терминологией из различных областей науки содержит определенные элементы беллетристики, включая некоторую степень экспрессивности отдельных выражений.

Так как текст создавался для вышеупомянутой весьма узкой целевой аудитории, мы приняли решение воспользоваться при переводе приемом нейтрализации в пользу научного стиля. Однако, принимая во внимание очевидное желание автора включить определенные средства экспрессии в свое произведение с целью «оживить» текст и «приблизить» его к читателю, мы были вынуждены также воспользоваться приемом компенсации.

2.1.2 Интралингвистические факторы

2.1.2.1 Тема и содержание текста

Выбранная для перевода глава под названием «Победа разума над суевериями?» является последней главой книги. Речь в ней идет о наметившихся прогрессивных сдвигах в сознании и мировоззрении, прежде всего, законотворцев, которые в буквальном смысле вершили судьбы людей в те времена. Однако вопросительный знак в конце заглавия как бы подсказывает читателю, что процесс будет продвигаться медленно и неуверенно.

В книге представлены события, послужившие предпосылками к дальнейшим переменам, приводится анализ и доводы их необходимости, а также описываются шаги со стороны верховной власти Габсбургской монархии по направлению к прогрессу. Из текста видно, какую объемную исследовательскую работу проделал Йозеф Кочи, прежде чем взяться за написание своего произведения.

Автор приводит исторические события как в хронологическом порядке, так и вплетая в ткань повествования события из прошлого, имевшие впоследствии большое значение. Автор не использует прямую речь, но иногда приводит небольшие цитаты из различных источников (от религиозных трактатов до законодательных документов).

Центром главы являются два акта от 1766 года, вызвавшие бурные споры и разногласия в обществе того времени: закон императрицы Марии Терезии о колдовстве и лекция члена Мюнхенской академии наук тирольца Фердинанда Штерцингера.

Йозеф Кочи описывает оба документа довольно подробно, вероятно, для придания им большей значимости в глазах читателя. Так, содержание терезианского закона автор передает буквально по параграфам.

Структурно исходный текст разделен только на абзацы и воспринимается как отдельное законченное произведение.

2.1.2.2 Пресуппозиция

Несмотря на наличие большого временного промежутка между моментом возникновения оригинала и временем создания его перевода, исходный текст можно считать современным на основании особенностей его стилистики. Принимая во внимание то обстоятельство, что в оригинале речь идет об исторических событиях, культурно-исторических реалиях, организациях и процессах того времени, о которых чешский читатель имеет более глубокие знания, чем потенциальный русский читатель, мы должны были в процессе перевода не в последнюю очередь учитывать проблему пресуппозиции.

2.1.2.3 Стилистика исходного текста

Как уже упоминалось ранее, данный текст относится к научному стилю, который характеризуется, прежде всего, такими особенностями, как точность, предметность, однозначность, а также ясность и четкость представленной информации [5, с. 212].

К особенностям исходного текста, на которые нужно было в первую очередь обратить внимание в процессе перевода, относятся сложносочиненные и сложноподчиненные предложения с распространенными частями на уровне синтаксиса и номинативность [5, с. 221] вместе с высокой степенью терминологичности на уровне лексики [4, с. 155]:

„Když se takový **škodlivý čin** opravdu zjistí, mohl soud podle devátého paragrafu zákona **podezřelou osobu zatknout** a provést **prohlídku osobní i domovní**, zjistit, zda neukrývá jed, piksly plněné hmyzem nebo jinými **škodlivinami**, lidské kosti, propíchané svaté obrázky, kouzelná zrcadla, knížky kouzelnické, zápisy smluv s ďáblem ať již hotové nebo nedokončené apod.“ [Оригинал, с. 159]

а также элементы беллетризации (например, наличие устойчивых выражений и фразеологизмов), включая некоторую степень экспрессивности отдельно взятых выражений:

„...když většina společnosti **věřela ještě po krk** v bludných představách a názorech...“ [Оригинал, с. 149]

„Nicméně se **ve zviřené psychóze** snadno rozmohl ve vsi strach...“ [Оригинал, с. 152]

Также научному стилю присуще употребление 1-го лица множественного числа, то есть так называемого «авторского «мы» [20, с. 255], однако в тексте оригинала оно встречается лишь несколько раз:

„Nešlo **nám** o to, **abychom referovali** o všech spisech, pamfletech a brožurách, které vyvolala Sterzingerova přednáška.“ [Оригинал, с. 169]

„**Chtěli jsme** jen demonstrovat...“ [Оригинал, с. 169]

„To, **jak víme** již z procesů XVII. století, bylo vždy první starostí apelačního soudu při inkvizičních procesech s domnělymi čarodějníky.“ [Оригинал, с. 153]

2.1.2.4 Лексика

Как уже отмечалось в данной работе, на уровне лексики текст отличается такими особенностями, как соседство научной терминологии с экспрессивными, даже разговорными выражениями.

Научная терминология представлена понятиями из теологии, юриспруденции, психологии, книговедения и др. Учитывая специфичность лексических единиц, мы приняли решение в отдельных случаях прибегнуть к разъяснению с помощью описательного перевода либо сноски. Однако это не касается терминов, достаточно известных потенциальной целевой аудитории.

Что касается экспрессивных, в частности, разговорных выражений, то автор использует их для придания тексту выразительности и усиления информационного воздействия на читателя. Однако, учитывая выбранную стратегию перевода, мы сочли оправданным воспользоваться приемом нейтрализации, чтобы подчеркнуть научную направленность текста. Тем не менее, мы старались следовать стремлению автора включить в текст определенные элементы экспрессии и решили не отказываться от беллетризации полностью.

2.2 Типология переводческих проблем и их решение

Принимая во внимание тот факт, что переводимый текст относится к научному стилю и выполняет информативную функцию, работа с грамматикой, синтаксисом и стилистикой не вызвала серьезных проблем. Определенные трудности возникали при работе с лексикой, кроме того, дополнительные затруднения создавала пресуппозиция русскоязычного читателя.

2.2.1 Лексика

На уровне лексики главную проблему представляли терминология, разговорные слова и фразеологизмы. Также в исходном тексте наличествуют экспрессивные слова и выражения, многие из которых мы заменили в процессе перевода их более нейтральными эквивалентами.

Кроме того, возникали трудности при переводе некоторых названий в связи с использованием автором их устаревших форм либо из-за невозможности найти их эквиваленты в языке перевода. В подобных случаях мы обращались к приему транскрипции, опираясь на специализированную литературу. Также затруднения вызвали некоторые имена (подробнее мы остановимся на этом далее).

2.2.2 Терминология

В основном термины соответствовали научному определению, согласно которому они являются однозначными, не несут эмоционального оттенка, а сфера их употребления и значение ограничены [12, с. 163]. Найти точный и адекватный эквивалент терминов в языке перевода не составило труда.

Такие словосочетания, как, например, *justiční vražda* (судебное убийство), *konvolut* (конволют), *prohlídka osobní i domovní* (личный обыск и обыск жилища) не вызвали трудностей, так как их дефиниции четко прописаны в соответствующих законах и словарях. Терминологические сочетания согласовываются с контекстом оригинала и пресуппозицией читателя перевода.

В случае с термином *hexenshluss* в тексте прямо говорилось, что он пришел из немецкого языка. Нужно было лишь найти его эквивалент в языке перевода и дать пояснение в скобках.

Термин *hrdelní soud*, являющийся теперь историзмом, мы решили перевести как *уголовный суд*. Согласно нашим исследованиям, вплоть до XVIII века это название применялось к судам, выносившим смертный приговор. Данный факт вполне отвечает контексту, в котором данный термин употреблен в оригинале. Так как смертная казнь в те времена была распространена практически повсеместно, вполне логично сделать вывод, что так назывались все уголовные суды в целом.

В том же предложении нам встречается еще один историзм - термин *útrpné právo*. В контексте оригинала под ним понимается право уголовных судов того периода подвергать обвиняемых пыткам в целях повышения эффективности расследования. В русских источниках упоминается несколько эквивалентных по содержанию терминов, однако, на наш взгляд, наиболее полно его значение раскрывает понятие *судебно-следственные пытки* [17, с. 124].

Весьма интересен термин *komplikační komise* [Оригинал, с. 156]. Нам не удалось найти никаких данных об этом органе ни на языке оригинала, ни на языке перевода. Мы предприняли попытку исследовать отдельные слова данного словосочетания, изменяя их грамматическую и лексическую форму, однако в каждом случае нас ждала неудача. Согласно чешско-русскому словарю, слово *komplikace* переводится на русский язык как *осложнение, трудность, затруднение*. Однако, слово *komplikační* не нашлось даже в Чешском языковом корпусе, не говоря уже о полном словосочетании.

Мы рассматривали два варианта: 1. это авторский термин и 2. имеет место ошибка написания.

Принимая во внимание, что ранее в тексте уже встречались некоторые грамматические ошибки, мы приняли решение проработать второй вариант. В результате непродолжительного поиска нами был обнаружен термин *kompilační komise*, чьи функции соответствовали указанным в произведении [38].

Скорее всего, в данном случае речь идет об ошибке автора либо невнимательности редактора.

После осуществления небольшого поиска в источниках на языке перевода мы обнаружили, что существует как минимум два адекватных русских эквивалента:

законодательная комиссия (встречается в литературе и статьях об органах власти в то время) и *компиляционная комиссия* [15]. Оба органа существовали в указанный период на территориях, о которых идет речь в переводимом тексте. Мы сделали свой выбор в пользу термина «*законодательная*», так как он встречается намного чаще и раскрывает суть деятельности комиссии.

2.2.3 Антропонимы

Некоторые имена и фамилии, для которых в русском языке не существует устоявшегося эквивалента, было необходимо транскрибировать согласно правилам, разработанным Д. И. Ермоловичем [26, 27].

Например: *Sterzinger* (*Штерцингер*), *Agnellus März* (*Агнеллус Мерц*), *Angelus März* (*Ангелус Мерц*), *Heruczina* (*Херуцзина*) и др.

Термин „*Josefina*“, образованный от имени императора Иосифа II, мы приняли решение перевести как «*Иосифина*» по причине того, что «*Иосиф*» - это традиционно устоявшийся в русском языке эквивалент имени данной исторической личности. И, несмотря на то, что отдельные монографии предлагают вариант «*Йозеф*» и образованный от него «*Йозефина*» [17, с. 125], мы считаем использование термина «*Иосифина*» более правильным в контексте строгой научной стилистики текста.

Псевдонимы *J.F.Z.* и *T.F.N.* автор намеренно не приводит целиком, вероятно, из соображений иронии. Ввиду того, что найти информацию по ним не представляется возможным, а их точное звучание не представляет большой важности для восприятия текста читателем, мы приняли решение в данном случае не прибегать к приему транскрипции:

"Na "prostou" brožuru Marzovu nebylo nesnadné odpovédět ironií a satirou. Ujal se toho J. F. Z., "věčný obhájce a zbožňovatel" nebohého benediktina, a posměšné blahopřejné psaní Páteru Marzovi k jeho obraně čarodějnictví vydal v roce 1767 ve Straubingen "beneficiant T. F. N. Blocksberger" (svůj pseudonym odvodil posměšně od "čarodějnické" hory Blocksberg)..." [Оригинал, с. 167]

«Не составило труда ответить на «простенькую» брошюру Мерца в духе иронии и сатиры. За это взялся некто J. F. Z., «неустанный заступник и

обожатель» несчастного бенедиктинца, а насмешливое поздравительное письмо патеру Мерцу к его защите колдовства написал в 1767 году в городе Штраубинг «бенефициант Т. Ф. Н. Брокенер»...» [Перевод, с. 23]

2.2.4 Теонимы

В переводимом тексте встречаются различные теонимы – *bůh, ďábel, bible, Kristus* и т. д., а также их иные словоформы и другие части речи, образованные от них. Их перевод не вызвал затруднений, так как все они имеют общепринятые эквиваленты в языке перевода.

Единственным различием является тот факт, что в оригинале они пишутся с маленькой начальной буквы, однако, согласно русской традиции, в переводе мы изменили их на заглавные (*Бог, Дьявол, Библия, Христос* и т. д.).

2.2.5 Топонимы

В тексте оригинала присутствует большое количество топонимов, которым мы были вынуждены уделить внимание в процессе перевода. Наибольшая трудность состояла в том, что многие из них перестали существовать, вошли в состав других либо сменили название. Помимо поиска информации в словарях и справочниках, а также Интернет-источниках, мы были вынуждены обратиться за консультацией к специалисту.

Например, город *Frýdlant nad Moravicí* в 1950 году сменил название на *Břidličná*. Мы, однако, приняли решение не давать сноску с пояснением, так как данная информация не представляет важности для читателя и не препятствует восприятию текста (в случае необходимости читатель легко найдет эту информацию, в том числе в онлайн-источниках).

В случае с городом *Straubingen* мы обратились за консультацией к сотруднице отделения переводоведения Философского факультета Карлова Университета в г. Прага Монике Жарской, которая разъяснила, что данный топоним является устаревшим и в настоящее время вместо него используется название *Straubing* (*Штраубинг*). В данном случае мы снова приняли решение отказаться от пояснения или сноски (подробнее на этом мы остановимся далее).

Трудности также возникли при поиске эквивалентов к наименованиям *Pomohani* и *Povltavi*. Проведя исследование, мы выяснили, что в некоторых русских источниках используется калькированный русский эквивалент слова *Povltavi* – *Повлтавье*. На наш взгляд, данный термин будет понятен русскому читателю ввиду словообразовательной ассоциации с известным словом *Поволжье*.

Что же касается топонима *Pomohani*, наше исследование не выявило адекватного эквивалента, поэтому мы приняли решение перевести его как *Майнская область* по аналогии с уже существующим топонимом *Рейнская область*.

2.2.6 Варваризмы и латинские названия. Неформальные слова и выражения

Переводимый текст содержит несколько названий документов того периода, приведенных автором на латинском языке. Мы приняли решение в случаях, когда это необходимо для обеспечения понимания текста русскоязычным читателем, оставлять латинское название в основном тексте и давать сноску с дословным переводом:

„...ještě v roce 1751 vydaný zákoník („*Codex juris bavorici criminalis*“) plně uznával čarodějnickou pověru.“ [Оригинал, с. 151]

„...где изданный еще в 1751 г. свод законов («*Codex juris bavorici criminalis*») признавал существование колдовства.“ [Перевод, с. 8]

„Nechyběl tu ani Friedrich Spee se svou „*Cautio Criminalis*“ [Оригинал, с. 167]

«...в который входил, в том числе, Фридрих Шпее и его «*Cautio Criminalis*».
[Перевод, с. 23]

Выражения *Vom Mainstrom* и *Vom Moldaustrom* понятны из контекста предложений, в которых они находятся, однако, чтобы не ввести в заблуждение русскоязычного читателя, мы решили привести их дословный перевод с немецкого языка в форме сноски внизу страницы.

Интересно, что многие заимствования из немецкого языка в тексте оригинала являются неформальными, экспрессивными лексемами и используются для подчеркивания негативного оттенка высказывания.

Например, слово *kumšty*, согласно толкованию Словаря чешского литературного языка [35], является устаревшим германизмом и относится к экспрессивной лексике. Учитывая пересуппозицию русскоязычного читателя, а также выбранную стратегию перевода, мы приняли решение нейтрализовать его немецкое звучание, а тем самым и экспрессивный оттенок, и перевести его для сохранения иронии заключенным в кавычки словом «искусства»:

„...nebo jde-li o účast na shromáždění lidí, kteří se zybývají pověrečnými „kumšty“...“ [Оригинал, с. 161]

„...или участием в собрании людей, занимающихся суеверными «искусствами»...“ [Перевод, с. 17]

В случае со словами «Иосифина» [17, с. 125] и «Терезиана» [17, с. 124], а также более известным «Каролина» [23, с. 571-572] мы приняли решение не использовать описательный перевод, чтобы не перегружать и без того нелегкий для восприятия научный текст. Вместо этого мы привели необходимую для понимания информацию под сноской внизу страницы, поскольку потенциальный читатель перевода может не знать, что вышеупомянутые термины относятся именно к императору Карлу V, а также к Марии Терезии и ее предшественнику на троне Иосифу I:

„Zákon o šestnácti paragrafech dýchal ještě velmi silně duchem „Josefíny.“ [Оригинал, с. 156]

«Закон, состоявший из шестнадцати параграфов, все еще сохранял дух «Иосифины» [Перевод, с. 13]

„Neznámý „ctitel učenců a milovník křesťanských pravd“ se odvolával na „Carolinu“...“ [Оригинал, с. 166]

«Некий «почитатель ученых и поборник христианских истин», ссылаясь на «Каролину»...» [Перевод, с. 22]

„Sám vlivný ministr zahraničních věcí Marie Terezie kníže Kounic se ve svém ostrém odsudku „Theresiany“ výslovně zmiňoval i o jejím článku padesátem osmém.“
[Оригинал, с. 162]

«Даже влиятельный министр иностранных дел при правительстве Марии Терезии князь Кауниц в своем резком осуждении «Терезианы» совершенно ясно упомянул и раздел 58» [Перевод, с. 18]

2.2.7 Синтаксис

В процессе перевода мы не столкнулись с серьезными проблемами на уровне синтаксиса. Нужно было проявить внимательность при переводе сложных предложений, некоторые из которых было необходимо разделить простые для облегчения понимания. Разумеется, мы обращали внимание и на изначальный замысел автора. Так, например, при описании глав закона Марии Терезии автор намеренно использует длинные сложные предложения с целью стилистически приблизить свое произведение к языку нормативно-правовых актов:

„Kouzelnictvím, černokněžictvím a čarodějnictvím rozuměl takovou neřest, když někdo obcuje a je ve spojení s ďablem, ať již na základě výslovné nebo tajné smlouvy. S takto získanou pomocí ďabla koná pak různé věci, které překračují lidskou moc a síly člověka, přičemž nerozhoduje, zda působí nebo nepůsobí druhým škodu.“ [Оригинал, с. 156]

«Под ним, а также чародейством и чернокнижием понималось такое порочное действие, при котором лицо находится в тесном контакте или связи с Дьяволом на основании явного или тайного соглашения и с его помощью совершает различные действия, выходящие за рамки человеческих возможностей, причем, вне зависимости от того, причиняют ли данные действия вред другим лицам.»
[Перевод, с. 13]

2.3 Переводческие трансформации

В данной главе будут представлены примеры переводческих трансформаций, к которым мы были вынуждены прибегнуть в процессе перевода.

2.3.1 Пояснения

Переводческие пояснения представляют собой «разъяснения с целью сделать отдельное слово или фрагмент текста более понятным... могут быть включены в сам текст или вынесены за его пределы, могут содержать дополнительные сведения различного характера, в том числе справки, толкования, оценочные характеристики» [2]. Как пишет известный ученый Иржи Левый, оно «уместно там, где для читателя перевода пропадает нечто легко уловимое читателем подлинника» [9, с. 135].

Принимая во внимание уже упоминавшиеся в данной работе различия в пресуппозиции чешского и русского читателя, мы были вынуждены использовать внутритекстовые пояснения в переводе. В основном это касалось малоизвестных топонимов, которые требовали конкретизации в виде обозначения вида поселения (например, город, поселок или княжество):

„...byla vykopána a spálena mrtvola Evy Zautzigové, která prý po smrti strašila obyvatele v Lichtvardu a v Andělské Hoře.“ [Оригинал, с. 151]

«...был выкопан и сожжен труп Эвы Заутциговой, которая после смерти якобы наводила ужас на жителей городов Лихтвард и Ангельская Гора»
[Перевод, с. 9]

В особенности эта конкретизация касается топонимов, составная часть которых омонимична нарицательным обозначениям географических объектов, как в случае с Ангельской Горой. Чтобы не запутать читателя, необходимо указать, что в данном случае речь идет именно о городе.

„Aby získali jistotu, povolali odborníka – hrobníka z Frýdlantu nad Moravicí.“
[Перевод, с. 152]

«Для уверенности вызвали специалиста – могильщика из города **Фридлант-над-Моравицой**». [Перевод, с. 9]

„V roce 1758 byla odsouzena k smrti jako čarodějnice Magdalena Logomerová, zvaná též Heruczina, z **Kříževce** v Chorvatsku.“ [Оригинал, с. 154]

«В 1758 году была приговорена к смерти за колдовство Магдалена Логомерова из **деревни Крижовец** в Хорватии, также известная как Геруцзина» [Перевод, с. 12]

В случае с уже упоминавшимся в данной работе городом *Straubingen* мы сочли, что пояснение было бы лишней информацией для читателя перевода, которая никак не повлияет на его понимание текста. Именно поэтому мы ограничились переводом современного названия *Straubing* – *Штраубинг*:

2.3.2 Генерализация

В процессе перевода мы прибегали к приему генерализации, то есть к трансформации, сутью которой является «замена единицы исходного языка, имеющей более узкое значение, единицей языка перевода с более широким значением» [11, с. 176].

„...i když ovšem konkrétní praxe byla mírnější a **na ohnivých hranicích** umíraly čarodějnice jen ojedinele.“ [Перевод, с. 151]

«...благодаря чему ведьмы **на кострах** погибали лишь в отдельных случаях». [Оригинал, с. 8]

„...ty, kteří... dělají něco, **k čemu nedochází podle přírodních zákonů** nebo **brzdí to, k čemu podle obvyklého přírodního běhu má dojít**.“ [Оригинал, с. 157]

„...те, кто... совершал **нечто сверхъестественное** либо **нарушал естественный порядок вещей**». [Перевод, с. 14]

„Je příznačné, že nejvyšší soud ve Vídni proti rozhodnutí Marie Terezie **protestoval**.“ [Оригинал, с. 154]

«Разумеется, Венский верховный суд **выступал против** решения Марии Терезии» [Перевод, с. 11]

„A přitom, jak zdůraznil Sterzinger, šlo vždy jen **o přirozené případy, kdy tělo ochořelo.**“ [Оригинал, с. 164]

«При этом, как подчеркнул Штерцингер, во всех случаях речь шла **об обыкновенных заболеваниях**» [Перевод, с. 20]

„Všechny změny počasí **jsou závislé na přírodních a přirozených podmínkách.**“ [Оригинал, с. 164]

«Все погодные изменения... **вызваны естественными причинами**» [Перевод, с. 20]

В случае, приведенном ниже, генерализация обусловлена тем фактом, что в русском языке, в отличие от чешского, не существует различных понятий для обозначения волос на голове и теле:

„Obžalovaný se nesmělo hledat na těle **d'ábelské znamení, stříhat jim všechny vlasy a chlupy na těle...**“ [Оригинал, с. 158]

«Не разрешалось искать на теле подсудимых **дьявольские отметины, состригать им все волосы на теле...**» [Перевод, с. 15]

2.3.3 Интеллектуализация

Целью переводческого приема интеллектуализации является максимальная доступность текста читателю [9, с. 163], обусловленная в данном случае также его ключевой информативной функцией.

Мы прибегали к данной трансформации, прежде всего, тогда, когда отдельные понятия исходного текста могли быть недостаточно ясными читателю перевода.

„Van Swieten svůj úkol posoudit případ Logomerové **neodbyl.**“ [Оригинал, с. 155]

«Ван Свитен **активно** **взялся исполнять** указание императрицы...»
[Перевод, с. 12]

В следующем примере мы использовали прием интеллектуализации с целью избежать повторения однокоренных слов «колдовство» и «наколдовать»:

„...čarodějnictví by mělo na tváři moderně uvažujícího státníka již jen **vykouzlit úsměv**...“ [Оригинал, с. 162]

«...колдовство должно уже **вызывать** лишь улыбку на лице современно мыслящего государственного деятеля...» [Перевод, с. 18]

В следующем примере термин *преступники*, на наш взгляд, в большей степени отвечает стилистике конечного текста, которая обусловлена выбранной стратегией перевода:

„Druhý paragraf pak vypočítával podle rozdílných druhů jednání a účinků tyto **zlé lidi**...“ [Оригинал, с. 156]

«Второй параграф содержал классификацию **преступников** по признаку совершенных ими действий или воздействий» [Перевод, с. 14]

Принимая во внимание то обстоятельство, что в оригинале чешское слово *špalík* употреблено в переносном значении и служит описанием формы и размера книги, мы приняли решение прибегнуть к приему интеллектуализации, чтобы обеспечить целевому читателю понимание авторского замысла:

„Mezi stovkami foliantů na regálech knihovny najdeme i tlustý „**špalík**“ v bílé polokožené vazbě...“ [Оригинал, с. 162]

«Среди сотен фолиантов на стеллажах библиотеки можно найти и **толстое издание** в белом, наполовину кожаном переплете...» [Перевод, с. 18]

„Tyto názory o množství kouzelnické a čarodějnické **havěti** se prý přenášely z generace na generaci a neustále se rozrůstaly.“ [Оригинал, с. 157]

«Такое **презрительное отношение** к колдунам и магам передавалось из поколения в поколение и продолжало усиливаться» [Перевод, с. 14]

„...*když pozvedli své pero proti čarodějnické pověře.*“ [Оригинал, с. 166]

«...когда они **выступили с критикой** колдовских поверий» [Перевод, с. 22]

В данном случае мы также применили интеллектуализацию, добавив недостающее имя, так как использование только фамилии не является типичным для научных текстов на русском языке, а задает, скорее, публицистический характер, которого мы, согласно выбранной стратегии перевода, стараемся избегать:

„*Stejně tak se se vedlo Maffeimu i Hieronymu Tartarottimu...*“² [Оригинал, с. 166]

«С точно такими же препятствиями сталкивались **Франческо Маффеи и Джироламо Тартаротти**...» [Перевод, с. 22]

Интересен пример чешского слова *prý*, использующегося для обозначения факта принадлежности утверждения или мнения некоторому третьему лицу. При переводе на русский язык оно может быть выражено любым из широкого спектра синонимов с идентичным или подобным значением, а также лексических и грамматических средств в зависимости от контекста и стилистики предложения.

„*Marie Terezie dala Polákovi milost a ve svém rozhodnutí vyslovila i důležité názory o čarodějnické pověře: může prý vládnout jen tam, kde panuje ignorance a kde duchovenstvo proti ní nebojuje.*“ [Оригинал, с. 1]

«**Мария Терезия** помиловала **Полака**, **выразив** в своем постановлении важное **мнение** о колдовских предрассудках: они могут существовать лишь там, где царствует невежество, с которым не борется духовенство» [Перевод, с. 11]

²Прим.: грамматика оригинала сохранена.

Также иногда было необходимо применить прием интеллектуализации в случаях, когда существовала вероятность, что целевой читатель не сможет определить, о каких реалиях идет речь. Например:

*„...zdaleka nedozrály podmínky k rychlému a konečnému zúčtování se středověkou čarodějnickou pověrou v **našich zemích**...“* [Оригинал, с. 169]

*«...еще не о конца сформировались условия для быстрого и окончательного расставания со средневековыми колдовскими суевериями в **чешских землях**...»* [Перевод, с. 25]

2.3.4 Опускание

Еще одним приемом переводческой трансформации, к которому мы прибегали в процессе перевода текста на русский язык, является опускание, то есть, пропуск в процессе перевода единиц, которые присутствуют в оригинальном тексте, при сохранении семантической эквивалентности [31, с. 152].

Например, в следующем примере мы приняли решение использовать всего один синоним, так два синонима являлись бы семантически избыточными:

*„Prozradil dokonce, že tohoto „**dytýkaného, svatého**“ zboží se prodávalo ročně na 40000 kusů...“* [Оригинал, с. 167]

*«Он даже заявил, что этого «**священного**» товара продавалось почти по 40000 штук в год...»* [Перевод, с. 23]

Заключение

Целью настоящей работы было создать перевод на русский язык выбранной главы книги авторства чешского историка, профессора Йозефа Кочи, а также описать основные переводческие проблемы и трансформации в переводческом комментарии.

В процессе перевода нашей целью было сохранить функцию исходного текста и авторского стиля, учитывая, однако, при этом пресуппозицию читателя перевода.

В переводческом комментарии был проведен анализ исходного текста, его функции, а также его стилистические и синтаксические особенности. Далее был осуществлен анализ переводческих проблем и трансформаций с указанием примеров наиболее трудоемких случаев, возникших при переводе.

Резюме

Целью настоящей бакалаврской работы был перевод на русский язык одной главы из книги Йозефа Кочи «Колдовские процессы: из истории инквизиции и колдовских процессов в чешских землях в XVI и XVIII веках» и написание комментария к нему. В комментарии был проведен анализ исходного текста, на основе которого была выбрана стратегия перевода. Затем была представлена типология переводческих проблем и способы их решения. Также приведены примеры переводческих трансформаций, к которым мы прибегали в процессе перевода текста.

Resumé

Cílem dané bakalářské práce byl překlad jedné kapitoly z knihy Josefa Kočího Čarodějnické procesy: z dějin inkvizice a čarodějnických procesů v českých zemích v 16. a 18. století do rustiny a vypracování odborného komentáře. V komentáři byla provedena analýza originálu, zvolena koncepce překladu a vypracována typologie překladatelských problémů a jejich řešení, také byl představen popis změn, kterých se překladatel při své práci dopustil.

Summary

The purpose of this bachelor thesis was Russian translation of one chapter of the book Čarodějnické procesy: z dějin inkvizice a čarodějnických procesů v českých zemích v 16. a 18. století written by Josef Kočí and writing of a commentary on the translation. The commentary contains analysis of the text, concept of translation, typology of translation problems and shifts.

Список использованной литературы

Основная литература

- [1] KOČÍ, Josef. Čarodějnické procesy: z dějin inkvizice a čarodějnických procesů v českých zemích v 16. a 18. století / Josef Kočí ; doslov: Jiří Loukotka. 1. vyd. Praha: Horizont, 1973, 182 s. (vč. přílohy s ilustracemi).

Дополнительная литература

- [2] ALEKSEJEVA, M. L. Perevodčeskije pojasněnija vo vreměni i kulturje. Žurnal "Političeskaja lingvistika". 2012, (1). Dostupné také z: <http://cyberleninka.ru/article/n/perevodcheskie-poyasneniya-vo-vremeni-i-kulture>
- [3] GOLUB, I. Grammatičeskaja stilistika sovremennogo russkogo jazyka. Moskva: Vyssšaja škola, Prosveščeniye, 1978, 254 s.
- [4] ČECHOVÁ, Marie. Stylistika současné češtiny. Vyd. 1. Praha: Institut sociálních vztahů, 1997, 282 s. ISBN 80-858-662-18.
- [5] ČECHOVÁ, Marie, Marie KRČMOVÁ a Eva MINÁŘOVÁ. Současná stylistika. Vyd. 1. Praha: NLN, Nakladatelství Lidové noviny, 2008, 381 s. ISBN 978-80-7106-961-4.
- [6] GROMOVÁ, Edita. Úvod do translologie. [1. vyd.]. Nitra: Univerzita Konštantina Filozofa, 2009, 94 s. ISBN 978-808-094-62-72.
- [7] HUBÁČEK, Josef. Učebnice stylistiky. Praha: Státní pedagogické nakladatelství, 1978, 219 s.
- [8] CHLOUPEK, Jan. Stylistika češtiny. Vyd. 1. Praha: Státní pedagogické nakladatelství, 1991, 294 s. Učebnice pro vysoké školy. ISBN 80-04-23302-3.
- [9] LEVÝ, Jiří. Iskusstvo perevoda. Moskva: Progress, 1974, 396 s.
- [10] KOMISSAROV, V.N. Sovremennoe perevodovedenie: uchebnoe posobie. Učebnoe izd. Moskva: Izd-vo "ÉTS", 2002. ISBN 59-338-6030-1.
- [11] KOMISSAROV, V. N. Teorija perevoda (lingvističeskije aspekty). Moskva: Vyssšaja škola, 1990. ISBN 978-5-91872-024-0.
- [12] KNITTLOVÁ, Dagmar, Bronislava GRYGOVÁ a Jitka ZEHNALOVÁ. Překlad a překládání. 1. vyd. Olomouc: Univerzita Palackého v Olomouci,

Filozofická fakulta, 2010, 291 s. Monografie (Univerzita Palackého). ISBN 978-802-4424-286.

- [13] MAKAROVA, N. I. Tajnyje obščestva i sekty: kul'tovyje ubijci, masonry, religioznyje sojuzy i ordena, satanisty i fanatiki -. Minsk: "Literatura", 1996. ISBN 98-562-7460-5.
- [14] MELETINSKIJ, E. M. Mifologičeskij slovar'. Moskva: Sovětskaja enciklopedija, 1990. ISBN 5-85270-032-0.
- [15] MITROFANOV, Pavel Pavlovič. Istorija Avstrii. – Č. 1. – Sankt-Peterburg.: Brokgauz-Efron, 1910. – 158 s.
- [16] NORD, Christiane. Text analysis in translation: theory, methodology, and didactic application of a model for translation-oriented text analysis. Amsterdam: Rodopi, 1991. ISBN 30-518-3311-3.
- [17] OMEL'ČENKO, O. A. Vseobščaja istorija gosudarstva i prava: Tom 2. Učebnik. Moskva: Eksmo, 2005. ISBN 5-699-09321-4.
- [18] SÁDLÍKOVÁ, Marie. Velký česko-ruský slovník: Bol'soj češsko-ruskij slovar'. 1. vyd. Voznice: Leda ve spolupráci se Slovanským ústavem AV ČR, 2005, xix, 1407 s. ISBN 80-733-5048-3.
- [19] SPRENGER, Jakob a Heinrich INSTITORIS. Kladivo na čarodějnice. Vyd. 1. Praha: Levné knihy KMa, 2006, 646 s. ISBN 80-7309-361-8.
- [20] TIMOFEJEV, M. A. Demonologija épochi vozrožděniija. Moskva: ROSSPĚN, 1996. ISBN 58-600-4021-0.
- [21] TOMAŠEVSKIJ, Boris Viktorovič. Stlistika: učebnoje posobije. 2-je izd., ispr. I dopol. Leningrad: Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta, 1983, 287 s.
- [22] VALGINA, Nina Sergejevna, Ditmar El'jaševič ROZENTAL', Margarita Ivanovna FOMINA a Vsevolod Vladimirovič CAPUKEVIČ. Sovremennyj ruskij jazyk. 12-je izd. Moskva: Vysšaja škola, 1971, 511 s.

Справочники и словари

- [23] Enciklopedičeskij slovar' Brokgauza i Jefrona: v 86 t.: Karolina, ugolovnoje uloženiije imperatora Karla. Sankt-Peterburg, 1907.
- [24] Encyklopedický slovník. 1. vyd. Praha: Odeon, 1993, 1253 s. Klub čtenářů (Odeon). ISBN 80-207-0438-8.

- [25] GLARE, P. Oxford Latin dictionary. 2nd ed. Oxford: Oxford University Press, 2012, 2 v. ISBN 97801995803162.
- [26] JERMOLOVIČ, Dmitrij Ivanovič. Imena sobstvennyje na styke jazykov i kul'tur: zaimstvovanije i predača imjen sobstvennych s točki zrenija lingvistiki i teorii perevoda : s priloženijem pravil praktičeskoj transkripcii imjen s 23 inostrannyh jazykov, v tom čisle tablic slogovyh sootvetstvij dlja kitajskogo i japonskogo jazykov. Moskva: R. Valent, 2001, 198 s. Biblioteka lingvista. ISBN 59-343-9046-5.
- [27] JERMOLOVIČ, Dmitrij Ivanovič. Metodika mežjazykovej predači imjon sobstvennych. Moskva: Vsesojuznyj centr perevodov, 2009. ISBN 978-5-94360-014-2.
- [28] KARLÍK, Petr, Marek NEKULA, Zdenka RUSÍNOVÁ a Miroslav GREPL. Příruční mluvnice češtiny. Vyd. 2., opr. [i.e. 4. vyd.]. Praha: NLN, Nakladatelství Lidové noviny, 2012, 799 s. ISBN 978-80-7106-624-8.
- [29] KLÉGR, Aleš. Tezaurus jazyka českého: slovník českých slov a frází souznačných, blízkých a příbuzných. Vyd. 1. Praha: NLN, Nakladatelství Lidové noviny, 2007, 1189 s. ISBN 978-80-7106-920-1.
- [30] KOPECKIJ, Leontij Vasil'jevič, FILIPEC, Josef a LEŠKA, Oldřich. Češko-russkij slovar'. Moskva: Sovetskaja enciklopedija, 1973. 2 sv.
- [31] Osnovnyje ponjatija perevodoveděnija (otčestvennyj opit): terminologičeskij slovar'-spravočnik. ISBN 978-5-248-00512-3.
- [32] OŽEGOV, Sergej Ivanovič a Natalija Jul'jevna ŠVEDOVA. Tolkovyj slovar' ruskogo jazyka: 80000 slov i frazeologičeskich vyraženi. 4 dop. izd. Moskva: Azbukovnik, 1997, 939 s. ISBN 589-285-003-x.
- [33] Slovník českých synonym a antonym. 1. vyd. V Brně: Lingea, 2007, 573 s. ISBN 978-80-87062-09-8.
- [34] TELENKOVA, Margarita Aleksejevna a Ditmar El'jaševič ROZENTAL'. Slovar'-spravočnik lingvističeskich terminov. Moskva: Astrel', 2001, 623 s. ISBN 517-003-766-x.

Интернет-источники

- [35] Slovník spisovného jazyka českého. <<http://ssjc.ujc.cas.cz/>>.
- [36] Словарь живого великорусского языка В. Даля <<http://dal.sci-lib.com/>>.

[37] Национальный корпус русского языка <<http://ruscorpora.ru/>>.

[38] Kompilační komise

<<http://is.muni.cz/do/1499/el/estud/praf/ps09/codex/web/pages/clenove-kompilacni-komise.html>>.

[39] Онлайнновый путеводитель по Чехии <<http://cz.malyshev.com/>>.

[40] Databáze knih <<http://www.databazeknih.cz/>>.

[41] Databáze Národní knihovny ČR <<http://authority.nkp.cz/>>.

[42] Badatelna. Eu – paměťové instituce on-line
<<http://badatelna.eu/fond/162952/>>.

[43] Slovník české literatury

<<http://www.slovníkceskeliteratury.cz/showContent.jsp?docId=1670>>.

Čarodějnické procesy

JOSEF KOČÍ

Podezření zesilovalo i to, že se u něho našly „v papírku krvavém nějaké zabalené vlasy“.

Nedvídek však prohlášoval: „Nejsem čaroděník, ty vlasy jsou ty Zuzany, a proto jsem je u sebe měl, když jsem já ty Zuzany prázdný býti a nemohl jsem bez ní bejtí, poradil jsem se o to s jistou babou...“

Baba byla Mandalena Obertochová ze vsi Týrovic na Krivoklátsku.

Poradila mu, aby „své nevěstky (!) Zuzany její vlasy z hlavy s třemi nitmi dostal, ta s těmi vlasy do černý višně zavrtal a na sebe ztřásl, takže ani na ni nebude mocti koukati“.

40-038-73
02/63
Kčs 14.—

V / ROZUM ZVÍTĚZIL NAD POVĚROU?

Osvícené myšlenky Bekkerovy, Thomasiovy a dalších myslitelů o nesmyslnosti čarodějnických pověr si jen pomalu a těžce razily cestu do života, do právní a soudní praxe. Bez vydání pokrokových právních a soudních norem státní moci tomu nemohlo být ani jinak, zvláště když většina společnosti vězela ještě po krk v bludných představách a názorech. Pokrokové myšlenky se tak těžce prodíraly k uznání také proto, že i hospodářský a společenský pokrok postupoval jen krok za krokem. Jakkoli byl tento proces dovršen až v polovině století příštího, stalo se XVIII. století i v našich zemích významným obdobím počátků přechodu od přežitého feudálního řádu k novému kapitalistickému uspořádání společnosti.

Významnou úlohu při reformování zastaralých hospodářských, společenských, právních a kulturních poměrů u nás v XVIII. století sehrála absolutistická vláda Marie Terezie (1740—1780). Nešlo tu ovšem ještě o zásady vskutku radikální, ale spíše o kompromisní opatření, která rušila nejkřiklavější přežitky „středověku“ na všech úsecích života. Potlačení hospodářských a mocenských zájmů velkostatkářské šlechty a omezování moci katolické církve státem na straně

jedné i podpora oprávněných hospodářsko-spoločenských požadavků poddaného lidu a uvolnění prostoru pro směřující myšlení vědecké a racionální na straně druhé musely přinést i změnu v nazírání na čarodějnictví a především rozvážnější přístup v pronásledování a souzení těch, kteří z něho byli obviněni.

Marie Terezie si nemohla naříkat, že by jí v tomto směru chyběly vzory. I kdyby nechtěla napodobovat Anglii a Nizozemí (a vzhledem k zaostalým poměrům habsburské monarchie by také těžko mohla), příklad pruských reforem přehlédnout nemohla. Pruský protivník, s nímž se s přestávkami utkávala prvními dvěma deset let své vlády, přes všechno její úsilí nakonec zvíťazil: panovnice se musela smířit s definitivní ztrátou největší části Slezska, jedné z nejbohatších zemí habsburské monarchie. Vídeňský dvůr se však nedal zasloupit jinak pochopitelnou nenávisí a uvědomoval si, že je manežvýš prospěšné se učit třeba od úhlavního nepřítelky, zvláště pak, když jde o soupeře tak úspěšného. Prusko se stávalo pro habsburskou politiku na mnoha úsecích života vhodným příkladem, vzorem pro srovnání.

Za „Velkého“ kurfiřta Bedřicha Viléma (1640—1688) bylo pronásledování čarodějnic v Braniborech a v Prusku stejně zuřivé jako za vlády Leopolda I. v zemích rakouských a českých. Ale již za prvního pruského krále Bedřicha I. (1688—1713) se názory na čarodějnictví podstatně změnily, přestože procesy ještě doznívaly. Myšlenky profesora a rektora nové pruské university v Halle Christiana Thomasia tu našly úrodnou půdu. Pokroková opatření, která prakticky znemožnila vedení dalších čarodějnických procesů v Prusku, vydal Bedřich Vilém I. v roce 1714, rok po svém nástoupení na trůn. Jeho nástupce Bedřich II., nacionalistickým německými historiky zvaný „Veliký“, zakázal 3. června 1740 používat tortury. Třeba se v tomto nařízení ještě připouštěly výjimky,

dlouho se neudržely: v letech 1754—1756 byly i ony zrušeny.

V našich zemích platily tehdy kruté předpisy „Josefíny“, i když ovšem konkrétní praxe byla mírnější a na ohnivých hranicích umíraly čarodějnice jen ojedinelé. Marie Terezie se tedy nemohla v tomto směru měřit s protestantským Pruskem, ale pro své ospravedlnění mohla zajít do sousedního katolického Bavorska. Tam ještě v roce 1751 vydaný zákoník („Codex juris bavorici criminalis“) plně uznával čarodějnickou pověru.

Prvním, alespoň částečným zásahem tereziánské vlády proti čarodějnické pověře byl patent Marie Terezie z 1. března 1755, který mířil proti vampyrismu a vlastně i proti víře v čarodějnictví vůbec. Zdůrazňoval, že při těchto věcech jde většinou o pověru nebo o podvod. Ostře kritizoval duchovenstvo, zvýraznil jeho podíl na udržování této pověry, neochotu proti ní bojovat, tendence spíše ji v lidech utvrzovat. Duchovenstvo se mělo napříště vměšovat do takových případů jen v dohodě s politickými úřady, jimž se doporučovalo opatřit si znalecké posudky lékařů. Šlo tu hlavně o tzv. magia posthuma, tj. strašení lidu mrtvými. Na Moravě, jak patent uváděl, dali kněží v několika případech vykopat a spálit mrtvolu, aby jim znemožnili údajně strašit.

Případů, v nichž pověrečný strach nevědomého lidu, podporovaný bludnými představami jeho duchovních pastýřů, vedl k akcím, které rušily klid pohřbených lidí, nebylo málo. Např. v roce 1679 na panství Brunštál, které patřilo řádu německých rytířů, byla vykopána a spálena mrtvola Evy Zautzigové, která prý po smrti strašila obyvatele v Lichtvardu a v Andělské Hoře. Podle výpovědi obyvatel se prý objevovala v noci v podobě kočky nebo psa, někdy čenného, jindy opět jako bílá postava. Obyvatelé Lichtvardu prosili správce panství o pomoc. Podezření vyvolaly již

okolnosti, které provázely její smrt. Tato žebračka, kdysi přadlena, bydlela u sedláka Štěpána Steinera v Lichtvardu. Za svého života neupoutala ničím pozoruhodným, ale po smrti byla přemístěna do kostela sv. Václava v Lichnově. Když byla přemístěna, byla zaopatřena svátostmi umírajících. Zemřela na svatodušní neděli ve dvě hodiny odpoledne. Její tělo zatím uložili na prkno a objednali rakev. Když manželka Štěpána Steinera spolu s ženou, která omývala ve vsi mrtvé, překládala příštího dne navečer v pět hodin tělo Zautzigové do rakve, zjistila, že je úplně teplá a vláčná. Její muž oznámil toto podezřelé zjištění sousedovi, nejstaršímu konšelovi ze vsi, který za nepřítomného rychtáře mrtvolu prohlédl. Ani přítomný farář neshledal v něm nic zvláštního, a proto povolal mrtvého tělo svěcenou vodou. Aby získali jistotu, povolali odborníka — hrobníka z Frýdlantu nad Mořavou. Když však přivolaný znalec nenalezl žádná podezřelá znamení, žebračku pohřbili. Nicméně se ve zvláštní psychóze snadno rozmohl ve vsi strach, že nešťastná Zautzigová po smrti straší. Znovu byl přivolan frýdlantský hrobník. Tentokrát zněla jeho expertiza právě opačně: nalezl podezřelá znamení a mrtvola musela být po souhlasu vrchnosti spálena.

V roce 1714 ve vsi Arnoltice na panství Sovinec, které také patřilo řádu německých rytířů, zemřela ve věku sto let vdova Marie Dahlerová. Přes čtyřicet let žila se svým druhým mužem Kryštofem Dahlerem, který ji předešel ve smrti o čtrnáct dní. Také Dahlerová se o vánocích a velikonočních zpovídala, i ona byla čtyři týdny před svým skonem zaopatřena. Teprve po její smrti vznikla fáma, že někdo u ní neviděl rúženec a že byla „nepořádná“, pokud šlo o modlení. Přes všechno pátrání se však nezjistilo, že by se zabývala pověrami. Pan farář nicméně nedovolil, aby jí v poslední hodině zazvonil umíráček, neměl se také k tomu ji pohřbít. 13. listopadu 1714 (šest dní

po její smrti) prohlédl dokonce mrtvolu za účasti rychtáře a zjistil na ní podezřelé známky, především výraznou červeně celého těla. Svědkové navíc vypovídali, že je nebožka straší. Zhasínala světlo a oheň, objevovala se tříhlavá a čtyřlístková. Mnohým se zjevila v podobě černé kočky, psa a jednomu dokonce v podobě prasete. Tlačila je na prsou jako mřtva, stahovala jim peřiny. Odvedla v noci hospodáři koně, krávu, a hrůzně je trýznila. Stála jako vlk před dveřmi. Jela na psu a svědkovi mlátila jeho ocasem do noby, vyčila mléko lidem atd. Vesničané se obrátili o pomoc k vrchnosti, jež rozhodla, aby hrobník mrtvolu zahrabal v noci někde na hranicích panství a tělo zasypal vápnem.

Ale už v dubnu 1715 se objevil v Arnolticích další podobný případ. Zemřel tu Jan Bohrlen (Barlen), o němž sice za jeho života nikdo nemohl říci nic podezřelého, ale jehož mrtvola jevila podezřelé znaky, a proto ji farář odmítl řádně pohřbít. Očiti svědkové vypovídali, jak nebožtík ve vsi straší.

Důležitým mezníkem v historii vládních zásahů Marie Terezie proti čarodějnickým procesům bylo rozhodnutí z 12. července 1756. Podnět k němu dal konkrétní případ. Pastýř na lobkovickém panství v Jistebnici v jižních Čechách Jan Polák byl odsouzen k trestu smrti stětím jako čaroděj, který škodil svými kouzly dobytku svých sousedů. Marie Terezie dala Polákovi milost a ve svém rozhodnutí vyslovila i důležité názory o čarodějnické pověře: může prý vládnout jen tam, kde panuje ignorance a kde duchovenstvo proti ní nebojuje. Svědčí o tom i apelační soud v Praze, který nařídil, aby na obviněném Polákovi hledal lékař tzv. ďáblovo znamení. To, jak víme již z procesů XVII. století, bylo vždy první starostí apelačního soudu při inkvizičních procesech s domnělými čarodějníky.

Podle nařízení Marie Terezie nesměly v budoucnu ani místní, ani vyšší soudy takové procesy začínat

bez souhlasu panovnice. Tím, že si Marie Terezie vyhradila rozhodování o čarodějnických procesech v rakouských a českých zemích a že popírala existenci čarodějnictví, se otevírala naděje, že tento pověrečný blud bude přece jenom vykořeněn.

Je příznačné, že nejvyšší soud ve Vídni proti rozhodnutí Marie Terezie protestoval. Polák prý byl odsouzen podle platných zákonů a podle panujících teologických názorů. Neměl by tedy zcela uniknout trestu. Teoreticky vzato měl nejvyšší soud pravdu. Marie Terezie, kdyby byla chtěla důsledně zasáhnout proti čarodějnickým procesům, by musela zrušit a revidovat řadu platných zákonů. Že se k tomu ještě nedokázala odhodlat a spokojila se s kompromisním řešením, je zřejmé i z jejího dalšího stanoviska z 30. července 1756. Znovu se tu sice ozval názor, že se čarodějnictví vyskytuje jenom tam, kde vládne ignorance, ale další rozhodnutí byla již méně radikální. Ti, kteří byli podezřelí z tzv. čarodějnictví, měli být zatčeni a mělo se přistoupit k informativnímu procesu. Nesměli však být drženi v okovech, mučení a odsouzení. Posouzení celého případu a rozhodnutí o něm bylo výslovně dáno do rukou císařovny. Panovnice se obracela i na pražského arcibiskupa a olomouckého biskupa s žádostí, aby působili na své duchovenstvo a misionáře, aby bojovali proti čarodějnické pověře mezi lidem.

Rozhodnutí Marie Terezie platilo pro rakouské a české země. Brzo se však vyskytl případ, který umožnil rozšířit toto pokrokové opatření i pro Uhry, do nichž státoprávně byly začleněny i slovanské země. V roce 1758 byla odsouzena k smrti jako čarodějnice Magdalena Logomerová, zvaná též Heruczina, z Križevce v Chorvatsku. Marie Terezie do věci opět zasáhla. Znovu slyšíme její názory o souvislostech mezi ignorancí a čarodějnictvím. Ve Francii, v Anglii, Holandsku, Švédsku, Dánsku, Prusku a v jiných zemích

nevědí nic o čarodějnictví. Jak je proto možné, že čarodějnice mají své sídlo právě v habsburských zemích? Vždyť zmíněné státy obecně vzato by neměly mít na poli víry nebo mravů převahu nad těmito zeměmi. Není ovšem sporu o tom, že tam jsou lidé lépe informováni než u nás. „Nikdo na světě mne nepřesvědčí,“ zdůraznila Marie Terezie, „že existují čarodějnice. Proto proces proti nim je proti mému svědomí a vědění a nemohu jej tedy připustit; nemohla bych se z toho před bohem zodpovídat.“

Dobré zdání k případu čarodějky Logomerové si vyžádala Marie Terezie od svého osobního lékaře *Gerharda van Swieten*. Tento Holanďan (narozen v roce 1700) byl mimořádně vzdělaný a osvícený člověk. Zabýval se lékařstvím, filosofií, přírodními vědami a státovědou. Jeho zásluhou bylo reformováno zastaralé vysoké školství, zvláště lékařské a filosofické fakulty. Van Swieten svůj úkol posoudit případ Logomerové neodbyl. Prostudoval nejen spisy, nýbrž i osobně vyslyšel Logomerovou v nemocnici, kam zatím byla převezena. Tlumočnickem mu byl jeden chorvatský kněz. Van Swieten ostře kritizoval neschopnost, zaujatost a zlomyslnost soudců, nepravděpodobnost svědeckých výpovědí a bezcennost přiznání obviněné Logomerové, které bylo vynuceno strašlivým a dlouhým mučením. Jak víme odjinud, Logomerová vystála čtyři stupně tortury a teprve v nemocnici se za mimořádné péče zotavila z tělesných i duševních útrap. Van Swieten také zdůraznil, že v mnoha státech byly již procesy s čarodějnicemi zakázány. Marie Terezie 23. listopadu 1758 nařídila, aby obviněná byla propuštěna na svobodu. Jak rozhodnutí výslovně přikazovalo, nikdo ji nesměl již obtěžovat.

Reskriptem z 6. srpna 1756 vystoupila Marie Terezie i proti exorcismům, tj. vymítání ďábla z posedlých osob. 6. června 1759 znovu přikazovala, že pro čarodějnictví nesmí být nikdo mučen. Všechna tato

opatření znamenala prakticky konec čarodějnických procesů v celé habsburské monarchii. Situace ovšem nebyla tak zcela jednoznačná. Čarodějnická pověra tehdy ještě vládla nejen mezi lidem, ale byla zakoreněna i v názorech většiny tehdejších teologů a právníků. Jejich konzervativnost se projevila i ve výsledcích práce dvorské komise, jejímž úkolem bylo sjednotit a reformovat zákony v monarchii. Dříve než byl dokončen a vydán nový zákoník, vyšel roku 1766 zákon o čarodějnických procesech v českých a rakouských zemích.

Komplikační komise dvorská pod předsednictvím vicepresidenta nejvyššího soudu hraběte Michaela Jana Althana došla při pořádání předpisů o útrpném soudním řízení i k článku o „magii“. Po vydání dřívějších rozhodnutí císařovny o čarodějnictví jí připadal tak důležitý a choulostivý, že jej předložila k rozhodnutí přímo panovníci. Členům komise šlo nepochybně o to, aby se v novém zákoníku uplatnily jejich reálné názory na čarodějnictví. Marie Terezie tomuto tlaku podlehla. Schválila velmi kompromisní předpisy o čarodějnických procesech, které vstoupily v platnost od 5. listopadu roku 1766.

Zákon o šestnácti paragrafech dýchal ještě velmi silně duchem „Josefíny“, i když praktické předpisy o procesním řízení zabraňovaly, aby se plně uplatnil při pronásledování nevinných lidí. První paragraf uznával existenci čarodějnictví. Kouzelnictvím, černokněžnictvím a čarodějnictvím rozuměl takovou neřest, když někdo obcuje a je ve spojení s ďáblem, ať již na základě výslovné nebo tajné úmluvy. S takto získanou pomocí ďábla koná pak různé věci, které překračují lidskou moc a síly člověka, přičemž nerohoduje, zda působí nebo nepůsobí druhým škodu. Jak je vidět, víra v možnost paktu člověka s ďáblem tu vládla ještě zcela neomezeně.

Druhý paragraf pak vypočítával podle rozdílných

druhů jednání a účinků tyto zlé lidi: zařikávače duchů, vyvolávače ďábla, pověrečné žehnače, věštky, zloduchy a všechny ty, kteří vědomě s ďáblou pověrou dělají něco, k čemu nedochází podle přírodních zákonů nebo brzdí to, k čemu podle obvyklého přírodního běhu má dojít.

Třetí paragraf v duchu kompromisních protikladů, které byly celému zákonu vlastní, omezoval absolutní tvrzení úvodní. Je všeobecně známo, říká se tu, jak nezdávavě se rozšířil v minulých dobách blud o kouzelnictví a čarodějnictví. Zodpovědnost za to vkladali zákonodárci na bedra nevědomého lidu. Některá prostoduchá sprostá lůzy k pověrečným věcem prý k tomu položila základy, hloupost a nevědomost jako matka pověry to podporovala. Z čehož prý, aniž by se rozlišovala pravda od falše, vznikla u obecného lidu lehkověrnost, která všechny příhody, jež se nedají lehkou pochopit, a přece jenom vyvěrají z přirozené náhody, umění či hbitosti — anebo dokonce takové náhody, které jsou zcela přirozené (špatné počasí, uhynutí dobytka, nemoc apod.), připisovala ďáblu nebo jeho nástrojům, tj. kouzelníkům a čarodějům.

Tyto názory o množství kouzelnické a čarodějnické havěti se prý přenášely z generace na generaci a neustále se rozrůstaly. Již dětem téměř v kolébce se vtiskovaly do vědomí hrůznými příběhy a pohádkami. Tím se tento blud všeobecně rozšířil a byl vždy víc a více posilován. A tak i při řízení čarodějnických procesů se většinou ustupovalo od správných právních zásad.

Další paragraf stanovil, jak se má nyní při obviněních z čarodějnictví postupovat. Poněvadž panovníce usiluje podle svých sil o to, aby zachovala úctu k bohu a zároveň vymýtila všechno, co vede k jeho snižování (a kouzelnické počínání sem jistě patří), nemůže dovolit, aby se přistupovalo k útrpnému řízení proti poddaným, obviněným z této neřesti jenom na

základně starého klamného bludu, pouhého oznámení a prázdné podezřívavosti. Naopak chce, aby proti osobám, které jsou podezřelí z kouzelnictví a čarodějnictví se vždy postupovalo jen odůvodněně, na základě právně závažných obvinění a důkazů. Zvláštní pozornost se měla přitom vždy věnovat speciálním okolnostem: 1. zda obviněná osoba, jejíž jednání mělo zdání kouzelnického nebo čarodějnického počínání, to dělala z falešné představitosti či přímo s podvodnými úmysly, nebo 2. z „melancholie“, pomínutí smyslu nebo jiné nemoci, nebo 3. zda osoba, která zápomněla na boha a spásu své duše podnikla záměrně takové činy, které směřovaly k spojení s ďáblem, avšak bez úspěchu a účinků, nebo 4. zda tu vskutku jde o opravdové kouzelnictví za ďáblova přispění. V tomto posledním případě je ovšem zapotřebí posoudit, zda nejde o podvod. Jestliže však je dokázáno, že jde o činy zcela nepochopitelné, pro něž nemůže být udána žádná jiná příčina, může platit domněnka, že se takové činy staly s ďáblovým přispěním z dopuštění božího. Tím byla možnost existence „pravého“, skutečného kouzelnictví nebo čarodějnickví zákonem zcela uznána.

Pátý paragraf nařizoval, aby byly vždy řádně prozkoumány zvláštnosti činu, aby se zjistilo, zda se mohl udát přirozeným či nepřirozeným způsobem. Měl být prošetřen i celý předchozí život obviněného a jeho duševní a tělesný stav. K řádnému vyšetření případu měli být povoláni znalci: lékaři a přírodovědci.

Další paragraf přinášel zákaz řady praktik, které byly dříve při vyšetřování obviněných z čarodějnictví užívány. Obžalovaným se nesmělo hledat na těle ďábelské znamení, stříhat jim všechny vlasy a chlupy na těle, podávat jim různé nápoje nebo mazat je různými masími, které by údajně zrušily ďábelské působení. Stejně tak bylo zakázáno zabráňovat obžalova-

ným vstupovat na holou zem nebo užívat zkoušku studenou vodou k zjištění, zda jde o čarodějníky. Všechny tyto vyšetřovací metody byly prý neprůkazné a zčásti vlastně šlo o pověrečné, kouzelné protiprostředky.

Sedmý paragraf uzákoňoval opatření, která již byla přijata dříve. Pochvaloval si dobré výsledky, které přineslo ustanovení, že rozhodnutí v čarodějnických procesech mohla činit jenom panovnice. Za vlády Marie Terezie, jak se tu tvrdilo, nebyl odhalen ani jediný opravdový kouzelník, čaroděj nebo čarodějnice. Procesy, k nimž došlo, vždy ukázaly, že šlo jenom o podvod, hloupost, jiné zločiny nebo o bludy inkvizitorů. Podle toho byly také vyneseny rozsudky. Například, když hrdeční soudy zjistí případ opravdového kouzelnictví nebo čarodějnictví, nebudou se po důkladném vyšetření ani pokoušet navrhnout rozsudek, ale postoupí všechny spisy nejvyššímu soudu, který je se svým dobrozdáním předá panovníci k rozhodnutí.

Osmý paragraf blíže určoval, kdy má být zahájeno vyšetřování: 1. Když osoba, která se průkazně dopustila kouzelnických činů, udává věrohodně jiné lidi jako své spoluvívníky nebo pomocníky. 2. Je-li podán důkaz, že podezřelý škodil lidem a dobytku zлыми prostředky, jako jedem a podobně. Škoda musí být zřejmá a osoba takové povahy, u níž lze toto jednání předpokládat. 3. Když různí nepodezřelí lidé vypořádají, že obviněná osoba zacházela se zakázanými „kunsty“ nebo se zabývala předpověďmi.

Když se takový škodlivý čin opravdu zjistí, mohl soud podle devátého paragrafu zákona podezřelou osobu zatknout a provést prohlídku osobní i domovní, zjistit, zda neukrývá jed, pikly plněné hmyzem nebo jinými škodlivinami, lidské kosti, propíchané svaté obrázky, kouzelná zrcadla, knížky kouzelnické, zápisy smluv s ďáblem at již hotové nebo nedokončené apod.

V dalším paragrafu se dokonce u obviněných povolalo používat mučení, ovšem jen tehdy, jestliže došlo k velikým škodám nebo šlo-li o činy, které se trestají trestem smrti. Jestliže se však rozhodně zjistilo, že jde jen o zdánlivé kouzelnictví nebo čarodějnictví, nesměly soudy z vlastní vůle použít tortury, ale po vyšetření celé věci se obrátit prostřednictvím nejvyššího soudu k panovníci.

Jedenáctý paragraf vypočítával zvláštní otázky, které se měly obviněným položit, a způsob vyšetřování vůbec.

Důležitá ustanovení obsahoval paragraf dvanáctý: výši a druh trestů. V souladu s diferenciací čarodějnů (srov. § 4) odlišoval způsob potrestání. Když se někdo za kouzelníka nebo čarodějníka jen vydával, byl trestán především za konkrétní škody, které lidem způsobil na zdraví (šlo tu i o usmrcení lidí) nebo na majetku (např. zhářství). Tu mohl být potrestán podle závažnosti konkrétních zločinů i trestem smrti. Předstírání čarodějnictví mohlo vést navíc k zostření trestu. Jestliže šlo jen o nebezpečného podvodníka, byl odsuzován podle míry provinění k tělesným trestům. Byli-li to cizinec, byl navíc vypovězen ze všech dědičných zemí habsburské monarchie. Druhá skupina lidí, u nichž udánlivé čarodějnictví bylo důsledkem „melancholie“, duševní nemoci, neměla být trestána. Jestliže šlo o „úplného blázna“, měl být odvezen do bláznice, lehčeji nemocní do nemocnice. Těm, kteří se chtěli vědomě oddat čarodějnictví, ale jejich „čarování“ zůstalo bez škodlivých následků, ukládal zákon nejpřísnější tělesný trest (u cizinců spojený s vykázním ze země). Když však došlo při tomto počínání ke škodě na životě druhých, platil za ně odsouzený životem; šlo-li zároveň o rouhače, měl být upálen. O potrestání poslední kategorie opravdových čarodějníků a čarodějnic rozhodovala císařovna.

Jako přitěžující okolnosti vypočítával třináctý pa-

ragraf mnohonásobnou zlomyslnost, dlouhodobé trvání čarodějnické neřesti, velké škody, které byly způsobeny zvláště chudým lidem, obcím, vrchnostem, rodičům nebo pánům, svedení jiných lidí k čarování. Za polehčující se přiznávala skutečnost, když se provinilý kál dříve, než byl udán, a vedl potom řádný křesťanský život.

Předposlední článek se týkal tradičních pověr venkovského lidu, které se zakazovaly; trestáním při porušení zákazu byla pověřena místní vrchnost. Jestliže však při těchto pověrách dojde k zaříkávání ďábla a podvádění jiných lidí, nebo jsou-li zjištěny jiné nebezpečné okolnosti, nebo jde o hledání pokladů a počinání, spojené s pověrečnými průpověďmi, znamenáními, ceremoniemi, nebo o modlitby spojené s pověrečnými praktikami (např. modlitba k svatému Kryštofu při hledání pokladů), nebo jde-li o účast na shromáždění lidí, kteří se zabývají pověrečnými „kumšty“ — je třeba obviněné odevzdat hrdelním soudům, které proti nim postupují na základě ústředního práva a podle ustanovení je trestají. Pověrečné knihy a spisy se měly úředně zabavovat a po skončení inkvizičního procesu ničit.

Poslední paragraf zákona se zabýval strašidly, na které lid ve své fantazii věří, stejně jako lidmi, vydávajícími se za posedlé. Smyslem zákona bylo tuto morální metlu vykořenit: každé objevení posedlosti, strašidel a duchů se mělo ihned hlásit nejvyššímu soudnímu místu, které podle okolností nařídí buď vlastním radům nebo některému hrdelnímu soudu, aby věc důkladně prošetřili podle předpisů obsažených v paragrafech sedmém a dvanáctém.

Tereziánský zákon o čarodějnických procesech, s nímž jsme se podrobně seznámili, nepotřebuje komentáře. Když vešel jako článek 58 (zločin magie nebo čarodějnictví) do trestního zákoníku „Constitutio criminalis Theresiana“, vydaném v roce 1768,

byl již ve své době osvícenci kritizován. Sám vlivný ministr zahraničních věcí Marie Terezie kníže Kounic se ve svém ostrém odsudku „Theresiany“ výslovně zmiňoval i o jejím článku padesátém osmém. Správně poznamenal, že čarodějnictví by mělo na tváři moderně uvažujícího státníka již jen vykouzlit úsměv, než aby se stalo objektem opatření trestního práva. Někteří posuzovatelé tohoto článku „Theresiany“ z řad novodobých historiků a právníků se snažili zdůraznit, že v něm šlo spíše o teorii než o ustanovení, která by byla široce uplatňována v praxi. Tato příznivá skutečnost však nebyla zásluhou jeho navrhovatelů.

Že ideologický boj o čarodějnictví nebyl ještě zcela dobojován, svědčí i nesmírně vášnivá a rozsáhlá polemika, která se rozvinula právě v roce 1766. V Muzeu Českého ráje v Turnově je uložena bohatá stará farní knihovna z Libuně, kde v první polovině XIX. století působil jako děkan známý buditel Antonín Marek. Mezi stovkami foliantů na regálech knihovny najdeme i tlustý „špalík“ v bílé polokožené vazbě, který obsahuje konvolut polemických brožur. Svědčí o tom, jaký ohlas a živý zájem tato otázka tehdy u nás vyvolala.

Podnětem k novému vášnivému zápasu o čarodějnictví se stala slavnostní přednáška Dona *Ferdinanda Sterzingera*, přednesená 13. října 1766 v Bavorské akademii věd v Mnichově. Sterzinger, člen akademie a kněz theatinského řádu, pocházel z Tyrol; jako mladý mnich působil počátkem padesátých let i v Praze a potom byl v Mnichově učitelem morálky a filosofie. Svou přednášku, v níž usiloval o likvidaci nesmyslných předsudků o čarodějnictví, vydal tiskem. Zaštil se nejdříve poklonami, které v ní učinil vládnoucímu kurfiřtovi Maximiliánu Josefovi (1745—1777), zakladateli bavorské akademie. Důležitější však byla chvála „osvícených časů, v nichž se zdá, že vědy dostávají nejvyšších vrcholů“. Taková doba nestrpí již

žádné předsudky a váží si práce, která koriguje nesprávné názory. Sám Sterzinger ve svém mládí jako ostatní věřil v existenci čarodějnictví. Ale již asi před dvanácti lety, když studoval kanonické právo, začal mít o této věci vážné pochybnosti. Třeba nebyl privátní, došel k názoru, že skutečné čarodějnictví neexistuje. Jeho přednáška, opírající se o vliv a názory předchůdců, zvláště o *Francesca Scipiona Maffei* (1675—1755), nepřinášela nové argumenty a koncepce. Záslužný je však souhrnný výklad celé otázky i podněcení zájmu o ni, jež dokázal v Bavorsku a v habsburské monarchii vyprovokovat.

Kdo se pustil do otázek čarodějnictví, vykládá Sterzinger, musel se nejdříve vyrovnat s problémem ďábla jako zavrženého a do pekla zatraceného ducha, který nemá žádně viditelné spojení s lidmi. Ďábel, aby mohl jednat s lidmi, nemůže přijmout podobu těla; tuto možnost zrušil už Kristus. Proto je pakt s ďáblem nechutná chiméra, nesmysl, pouhá fantazie. Obhájci čarodějnictví sice namítají, že ďábel může navázat s připuštěním božím spojenectví s člověkem, ale proti tomuto tvrzení mluví rozhodně „zdravý rozum“, bible a spisy církevních otců.

V další části své přednášky se Sterzinger zabýval typickými projevy připisovanými čarodějnicím. Nad jejich nočními lety na sabaty, které se měly konat obvykle v noci svatojánské na hoře Blocksberg, pověstné po celém Německu jako shromaždiště čarodějnic, když o nich četl ve spisech známých fanatických obhájců existence čarodějnicí nebo ve starých procesních aktech, „se nemohl udržet smích“. Je to směšná pohádka, prohlásil. Ingredience, z nichž je obvykle složena známá čarodějnická mast, mají ovšem uspávající a ohlupující účinek, jak vědí všichni lékaři. Jestliže se ubozí lidé natrou takovou masťou celému těle, brzo usnou. Uspávací prostředky se jim dostanou do krevního oběhu a tím i do mozku a vy-

volají zmatené a nesmyslné představy. Po probuzení takovým starým ženám nikdo nevymluví, že předtím nepodnikly noční výlet na shromáždění čarodějnic. Přírodní vědy však přece dokázaly, že není možné, aby normálně těžké lidské tělo mohlo samo letět vzduchem; bylo by to proti zákonům přírody. Lidské tělo je více než dvěstěkrát těžší než vzduch! To by satan musel učinit zázrak, což, jak víme, nemůže. Stejně nesmyslné jsou výklady o tom, že by čarodějnice mohly způsobovat blesky, hromy, bouřku a víchřici. Bylo by to proti zákonům přírody, jejichž původcem je bůh. Všechny změny počasí jsou závislé na přírodních a přirozených podmínkách. Nejinak je tomu s nemocemi lidí a dobytka. „Sprostá lůza, zvláště v naší vlasti“ (Bavorsku) však vypravuje tisíce příběhů, v nichž se tvrdí, že tyto škody na zdraví způsobují čarodějnice. O tom svědčil např. i běžný název „Hexenschuss“ (Hexe — čarodějnice, Schuss — výstřel), který přišel i do českých zemí a ještě i dnes se užívá v hovorové češtině pro bederný ústřel neboli housera. Různé nemoci a ochromení těla, které tehdy nedovedl lékař či vesnický kovář, který ho v léčitelství suploval, určit ani léčit, byly považovány za dílo čarodějnic. A přitom, jak zdůraznil Sterzinger, šlo vždy jen o přirozené případy, kdy tělo ochorelo. V těch zemích, kde se nevěří na čarodějnice, se vyskytují stejné nemoci u lidí i dobytka; jenže nikdo je nepřipisuje zlému působení čarodějnic. Požívají se proti nim přirozené prostředky a pomoc zkušných lékařů. Všechno se dá přirozeně vysvětlit. Proto byl Sterzinger skeptický i pokud šlo o tzv. posednutí člověka ďáblem a nezdržel se kritických poznámek ani proti exorcistům, církví oficiálně schváleným.

Velké zklamání připravil Sterzingerova přednáška dnešnímu čtenáři v té části, v níž se autor pokoušel odpovédět na otázku, jak se stalo, že takové ohromné

množství lidí bylo popraveno za čarodějnictví. Tady byl autor opatrnější. Báł se zřejmě nebezpečí, které by mu nepochybně přineslo odhalení, že v převážné většině šlo o jasné justiční vraždy. A proto suggestivně formulovanými řečnickými otázkami minulé čarodějnické procesy nepřímou obhajoval. Nezasluhují snad smrt ti, kteří znesvěcují jméno boží, vyvolávají ďábla, pohansky se k němu modlí a žádají od něho pomoc? Nemají být odsouzeni k smrti ti, kteří, aby se jim vyplnily jejich zlé záměry, usmrcují nevinné děti, vyhrabávají mrtvoly, aby škodili druhým lidem atd., i když čarodějnictví je ve skutečnosti jen pošelilé, prázdné nic, předsudek, výmysl zmatených hlav?

V závěru přednášky shrnul Sterzinger své názory. Prohlásil, že víra v čarodějnictví je proti zdravému rozumu a proti všemohoucnosti boží, že jde o pohádky, podvod, bláznovství a prázdny žvást. Čarodějnice nejsou nic jiného než „očarované“ bláznivé ženy. Kdo by byl tak bláhový, ptal se Sterzinger, aby pro prázdňou nicotnost chtěl darovat vzácnou duši ďáblu, své tělo však katu?

Sterzingerovo pojednání, nesené osvícenským duchem katolického kněze, muselo vyvolat rozhořčené polemiky ze strany ortodoxních obskurantů a tmářů. Je příznačné, že první útok vedl proti Sterzingerovi anonym, který se sám ovšem charakterizoval jako „milovník pravdy“. Jeho brožura vyšla asi za šest týdnů po objevení Sterzingerova spisku. Její metoda byla velmi jednoduchá. Anonym nakupil citáty z bible, které již před ním použili četní obhájci existence čarodějnictví. Jméno anonymovo však nezůstalo dlouho utajeno: za „milovníkem pravdy“ se neskryl nějaký průměrný pisálek, ale augustiniánský mnich a profesor teologie v Mnichově *Agnellus März*.

Sterzinger vydal v roce 1767 v akademickém nakladatelství v Mnichově obranu proti Märzovi. Konstatuje a dokládá svou korespondencí, že jeho přednáška

získala souhlas učenců, stejně jako vyvolala pomluvy a posměch u těch, kteří vězí v předsudcích. Takový osud však potkával všechny spisy, které mluvily jinak než obecný houf. Stejně tak se se vedlo Maffeimu i *Hieronymu Tartarottimu* (1702—1761), když pozvedli své pero proti čarodějnické pověře.

Sterzingerova obrana (byla to knížka o 98 stranách) měla dobrou úroveň. Takticky především dokazovala, že víra v čarodějnice škodí křesťanskému náboženství víc než odpadlictví. Jako jeho protivník, opřel se i Sterzinger o citáty z bible, ze svatých otců, papežských bul, římského rituálu i světských zákoníků. Užil však přitom historické metody: zjišťoval vývoj víry v démony a čarodějnice. Dovozoval, že vznikla u pohanů, od nichž ji křesťané převzali a v nových podmínkách adaptovali. Nová konstrukce čarodějnické pověry, v níž se hlavním nosníkem stala víra v možnost výslovné smlouvy s ďáblem, byla objevena poměrně mladým, pocházejícím až z XIII. století. Sterzingerova obrana je pro nás zajímavá i tím, že se dost podrobně zabývá tereziánským patentem o čarodějnických procesech, vydaným 5. listopadu 1766. Sterzinger si byl vědom, i když to přímo neříkal, že jeho pojetí jde mnohem dál než v podstatě konzervativní patent Marie Terezie. Chtěl však zřejmě ukázat prokávkovi, jak se na celou věc dívá spolehlivě katolická vláda v tak významném státě, jako byla tehdy právě habsburská monarchie. Proto citoval z patentu jen paragrafy třetí a sedmý, které mluvily pro jeho názory; s prvním by si poradil asi těžko. Tuto nedůslednost mu právem vytkla opatrná anonymní obrana čarodějnictví, která vyšla v roce 1767 v Pomohani (jako místo vydání udáno „Vom Mainstrom“) v západním Německu. Neznámý „ctitel učenců a milovník křesťanských pravd“ se odvolával na „Carolinu“ a ukazoval, že Sterzinger použil ve své obraně tereziánského patentu neprávem.

Na závěr svého pojednání uvedl Sterzinger seznam katolických spisovatelů, kteří bojovali proti čarodějnické pověře. Nechyběl tu ani Friedrich Spee se svou „*Cautio criminalis*“.

Mnichovský „milovník pravdy“ na Sterzingerovu obranu nemlčel a hned roku 1767 vytáhl proti ní do pole s ostřejšími zbraněmi. Byla z toho knížka o 104 stranách.

Protisterzingerovský hlas se ozval i z jeho rodných Tyrol. A byl to hlas vskutku výrazného tmářského primitivismu, který se však nestyděl za své jméno. Páter *Angelus März*, člen benediktinského kláštera v Scheyern, neměl ve své absolutní nábožné omezenosti žádné skrupule. Navíc mu nešlo jen o teoretickou při, ale o zájmy velmi konkrétní a hmotné. Jeho klášter choval část z „pravého“ kříže, na němž byl ukřižován Kristus. To byl neocenitelný zdroj příjmů. Ze slůtiny mosazí a ze stříbra se lily malé křížky, které po dotyku s částkou pravého Kristova kříže nabývaly ochranné moci zvláště proti různým zlým účinkům čarodějnictví a kouzelnictví: proti nebezpečným bouřím, k potlačení ďábla v posedlých osobách, k uzdravení očarovaných lidí i nemocného dobytka. Benediktým März neopomenul ve své brožuře přetisknout i starší osvědčení, která tuto blahodárnou moc malých křížků potvrzovala. Prozradil dokonce, že tohoto „dotýkaného, svatého“ zboží se prodávalo ročně na 40 000 kusů a exportovalo se do Bavorska, Švábska, Rakous, Uher, Saska, Polska i do Čech a na Moravu!

Na „prostou“ brožuru Märzovu nebylo nesnadné odpovědět ironií a satirou. Ujal se toho J. F. Z., „věčný obhájce a zbožňovatel“ nebohého benediktina, a posměšně blahopřejně psaní Páteru Märzovi k jeho obraně čarodějnictví vydal v roce 1767 ve Straubingu „beneficiant T. F. N. Blocksberger“ (svůj pseudonym odvodil posměšně od „čarodějnické“ hory Blocksberg). Je autorem i rozsáhlého souboru „Listů“

(na 900 stran), v nichž bránil Sterzingera proti augustiniánovi Agnellu Märzovi z Mnichova.

V souvislosti s obranou Sterzingerovou proti jeho protivníkům vyšel v roce 1767 v Mnichově tlustý spis (284 strany) od „jednoho teologa“, jehož základem byla chvála tereziánského patentu o čarodějnických procesech. Nařizení Marie Terezie z roku 1766 bylo vydáno s obširným komentářem, určeným „prostému muži.“ Bylo v něm velké množství kritických připomínek a ironických poznámek na adresu obháječů čarodějnických procesů. Autor otiskl na desítkách stran i staré protokoly významných procesů.

Polemika mezi tyrolským benediktinem Märzem a Sterzingerem měla úřední dozvuky v konzistoři ve Freisingu. März, který vydal svou brožuru bez souhlasu představených, musel dát 25. února 1767 odpověď na řadu otázek, které na něho vznesl Sterzinger. Celé jednání, o němž již předem nepřátelé Sterzingerovi rozhlašovali, že povede k zavržení jeho přednášky, skončilo nerozhodně. Oba protivníci dostali příkaz, aby vydali o celé věci „umírněný“ spis. Sterzinger se toho zhostil tím, že v třetím vydání své akademické řeči zmínil dřívější formulaci: tvrzení, že čarodějnictví je předsudek špatně myslících duší, opravil na předsudek duší povrchně myslících. Zato páter März vydal v roce 1767 v Ingolstadtů obširnější spis se svými odpověďmi na otázky, které dostal ve Freisingu. K této jeho odpovědi zazněl v roce 1767 i anonymní hlas z Povitaví (na brožuru bylo jako místo vydání udáno „Vom Moldaustrom“), nepochybně z Prahy. Märzovi odpověď kvalifikoval jako „nicotnou, neodůvodněnou, ješitnou, jalovou a směšnou“. Autor spisu znal dobře všechny brožury, které se objevily v polemické bitce rozpoutané akademickou řečí Sterzingerovou. Odsoudil März, jak mnichovského augustiniána, tak scheyerského benediktina. Vyjádřil svou pochvalu a úctu Sterzingerovi. Zajímavé novum v této

brožure je útok proti „Kladivu na čarodějnice“, opřený o známý spis Friedricha Spee.

Nešlo nám o to, abychom referovali o všech spisech, pamfletech a brožurách, které vyvolala Sterzingerova přednáška. Bylo jich mnohem víc. Náš konvolut turnovský, třeba v něm nejsou všechny, obsahuje i další, o nichž jsme se nezmiňovali. Chtěli jsme jen demonstrovat, jak ještě v druhé polovině XVIII. století zdaleka nedoznaly podmínky k rychlému a konečnému zúčtování se středověkou čarodějnickou pověrou v našich zemích, v habsburské monarchii a v Německu. Nad to je si třeba uvědomit, že nositelem těchto humanistických snah byla úzká vrstva duchovní i světské inteligence. V širokých vrstvách lidových vládla čarodějnická pověra zcela neomezeně. Teprve rozvoj školství a osvěty od konce XVIII. století zahájil průlom do tradičních zděděných představ a názorů. Za absolutně zlikvidované nemůžeme přežítky této pověry prohlásit ještě ani dodnes.

S čarodějnickými procesy se však skončovalo. To, co nedokázala kompromisní a konzervativní vláda Marie Terezie, brzděná i omezenými právníky, soudci a kněžími, dosáhla radikální osvícená vláda císaře Josefa II. (1780—1790). Teprve v josefinských zákonech bychom marně hledali ustanovení, jak naložit s mágy, kouzelníky a čaroději. Josef II. je právem vyškrtl z knih, jejichž posláním bylo formulovat právo a procesní řízení. Co však nemohl postihnout zákonem, byly přežítky ve vědomí lidí: josefinské i pozdější soudy musely často ještě odmítat udání,

kterými denuncovali nevědomí a zlí lidé své sousedy, domnělé čarodějníky.